

БАРТАЛОМЕЙ СОЛО

ОТЕЛЬ "МОНТИ ДАД"

ЧЕСТНОСТЬ НАПРЯМУЮ ПРОТИВОРЕЧИТ ЗАКОНАМ **ВЫЖИВАНИЯ**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Барталомей Соло

Отель «Монти Дад»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43204403

SelfPub; 2023

Аннотация

Эта повесть была написана на спор. В баре за кружкой пива мы поспорили с друзьями о том, что я за неделю напишу повесть на 50 страниц, которая просто обязана понравиться всем троим. В случае моего выигрыша, они будут должны мне ящик превосходного виски. В случае, если я проиграю, ящик виски покупаю я. Я писал как Сатана, одержимый лишь одной целью – закончить повесть к воскресенью. Когда мы снова встретились, я уже сидел за столом с тремя копиями рукописной версии повести. Касательно нашего спора... Что тут скажешь? Я еще никогда не пил так много виски. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Часть первая	4
Часть вторая	18
Часть третья	31
Часть четвертая	44
Часть пятая	62
Часть шестая	71
Часть седьмая	83
Часть восьмая	92
Часть девятая	102

Барталомей Соло Отель "Монти Дад"

Часть первая

Это была плохая идея. С самого начала Алиса говорила ему, что нужно было брать пикап, но нет – угораздило же прыгнуть в порше и отправиться в эту дыру в самый разгар января. Порше, мать его! Заднеприводный кабриолет с мощностью в пятьсот сил. Палмер неплохо сдерживал эмоции, но она-то знала его злым – ходил туда-обратно, пытаясь дозвониться до службы сервиса. Ни связи, ни интернета здесь не было – глушь, каких в современном мире еще поискать надо. Палмер, морщась, взглянул в небо, обведя взглядом высоченные темно-зеленые ели, уходящие кронами в бесконечную высь, будто небоскребы Манхеттена. С неба падали крупные хлопья снега, покрывая его плечи, капот ярко-красной машины, ухабистую дорогу и все вокруг. Они стояли тут уже час или около того, так и не встретив ни одной живой души. Алиса слушала музыку и грелась в машине, Палмер обледеневшими пальцами судорожно пытался разблокировать смартфон снаружи. Ни дорожных знаков, ни тебе разметки, даже отбойников нет – место слишком далекое от цивилизации. Угораздило же пробить все четыре колеса имен-

но здесь! Если возвращаться назад, придется пилить сорок шесть миль до ближайшей деревушки. Вероятность того, что там сыщется мастер, готовый заменить колеса новому порше, сводилась к нулю. По направлению движения навигатор показывал тупик – как будто мир там вовсе обрывался. Дорога просто кончалась и упиралась в горы. Алиса даже спросила, зачем в этой глуши нужно было стелить асфальт.

Дрожащий и бурчащий проклятия себе под нос, Палмер бухнулся на кресло водителя, подставляя руки к печке. Из динамиков доносилось пение Боба Дилана, и Алиса в такт качала головой, не обращая внимания на бурчание мужа. Снег тем временем начал валить обильнее, угрожающе надвигались сумерки, и термометр автомобиля показал за бортом двадцать по Фаренгейту.

– Это ж надо было так, – скрипнул зубами Палмер. – Надо ж так было!

– Тут бензина у нас на пару часов от силы, – Алиса вульгарно глянула на мужа, затем приоткрыла окно и выбросила жвачку. – И говорила я тебе, что нужно было брать пикап. Сдался тебе этот порше в такую погоду! Вечно хочешь выделиться. Перед кем тут красоваться?

– Говорила, говоришь до сих пор и, судя по всему, будешь говорить еще долго, – ответил сквозь зубы Палмер. Тон его был как бы мягким, дабы не накалять и без того напряженную атмосферу, в то же время он с трудом сдерживал эмоции, понимая безвыходность ситуации. – Я не звал тебя и

мог бы поехать сам, но ты рьяно рвалась в это путешествие, так что будь добра перестань причитать о прошлом и давай думать о будущем. Ситуация и вправду неприятная. Здесь не работает телефон, помощи ждать не от кого. Проезжающих машин нет. Я и представить не мог, что здесь такая глушь.

– Значит, будем помирать под музыку! – заключила Алиса. – Мы женаты всего две недели, а уже успели вляпаться в такую нелепую историю. Вот мой бывший муж, вернее последний... – она задумалась, – тот, что сейчас в Тибете познает связь с высоким. Так вот, он как-то пронес меня на руках шесть или семь миль, когда я ногу подвернула. Мощный был, как буйвол, да вот только мыслил как девятилетний мальчишка.

– Мы расписались в Вегасе – я был под ЛСД, ты пьяная в стельку, – прервал рассказ Палмер. – Ты праздновала развод, я праздновал смерть своего дяди. И поженились мы только потому, что оба тащимся от «Металлики».

– Разве этого мало для брака? – развела руками Алиса.

– На тот момент мне казалось, что этого даже с лихвой, – потирая щетинистые щеки, ответил он.

– Ну, раз я вышла за тебя за день до того, как адвокаты оформили наследство, сделав тебя миллионером, придется, дорогой муж, терпеть меня, как терпели все трое предыдущих моих благоверных, – Алиса достала зеркальце и посмотрела в него, сначала наморщив лоб, затем оголив белые ровные зубы. Она поправила челку, пристально изучила, ровно

ли лежит пудра, как гармонирует розовая помада с белым пуловером, и поморщила аккуратный приподнятый нос, явно довольная своим видом.

Палмер бросил на нее короткий взор, не лишенный раздражения, и снова скрипнул зубами.

– Волосы, – вдруг сказал он. – Твои пепельно-белые волосы – это вторая причина, почему я решил, что мы должны расписаться именно в ту ночь. Я смотрел на них и думал: «Эта девка уникальна».

– Это не ты думал, за тебя думали наркотики, – махнула Алиса рукой. – Парикмахер мой, дура, перепутала код краски, вот и вышло так, что почти седой меня сделала, в мои двадцать семь-то. Ни за что на свете не выбрала бы такой нелепый цвет.

– Да, – Палмер опустил голову и забарабанил по рулю, – кругом одни ошибки и дуры...

– Эй, гляди, кто-то едет! – взвизгнула Алиса, впившись в зеркало заднего вида, в котором поблескивали дрожащие фары.

Палмер, не успев натянуть шапку и перчатки, выскочил на улицу. Машина ехала медленно, с трудом пробираясь сквозь завесу из плотного снега. Водитель уверенно держал сцепление со скользкой дорогой.

– Дурачок, – опустив стекло, крикнула Алиса. – Если так и будешь стоять на обочине, мы тут точно кони двинем. Выходи на дорогу, никто не остановится в этой глуши!

Палмер выбежал на середину, едва не поскользнувшись, и поднял руки вверх, всячески давая понять водителю, что они попали в беду. Автомобиль продолжал двигаться с той же скоростью, как будто не замечая на своем пути препятствия, и он даже было заволновался, ведь затормозить на таком гололеде было бы весьма непросто. Когда до столкновения оставалось не более тридцати метров, водитель резко ударил по тормозам, казалось, заметив на своем пути человека в самый последний момент. Машину повело в сторону обочины, она понеслась боком, как будто по льду. Палмер отскочил в сторону, едва не оказавшись под колесами, но тут же встал на ноги, провожая взором скользящий автомобиль, который уверенно несло к затяжному повороту. Перед самым краем водителю все-таки удалось каким-то чудом выровнять машину и остановить ее. Старый фургончик годов шестидесятых так и стоял посреди дороги, прямо на повороте, а фары его светили куда-то вдаль – бросая свет на могучие ели, возвышающиеся вдоль трассы. На кабине едва вырисовывалось какое-то выцветшее изображение, на котором виднелся отель на склоне горы с красной потертой надписью, распознать которую не представлялось возможным. Палмер бросил взор на свой порше. Алиса, высунувшаяся из окна, развела руками и выкрикнула: «Давай беги, пока не уехал! Сегодня умирать я не хочу!» Дверь грузовичка открылась со скрипом, и на улицу вывалился индеец лет пятидесяти пяти. На нем была синяя клетчатая куртка с бараньим мехом

на воротах, высокие кожаные сапоги, в которые он заправлял джинсы, а в зубах дымилась сигарета. Широкое лицо было покрыто морщинами, скулы неестественно ширились, делая его образ если не пугающим, то уж точно не привлекательным.

– Я чуть в штаны не наделал! – выкрикнул индеец на встречу Палмеру. Он выдохнул густой клубень дыма и покачал головой. – Тридцать лет по этой дороге ездю, ни одной аварии! Тьфу ты!

Он сплюнул табак, залез в кабину и достал с переднего сиденья бутылку рома.

– Ты-то как тут оказался? – оторвавшись от горлышка и утерев рот, спросил индеец. Тон его был странным, как будто наигранным по сценарию. – Не часто тут туристов встретишь.

– Заплутали с женой, – почесав затылок, ответил Палмер, обернувшись к своей жене. Он с недоверием еще раз оглядел водителя и его машину. – Колеса пробили, телефон не работает.

– Да, тут ты со стихией один на один, – согласился индеец и посмотрел в небо, как будто вмиг позабыв о чуть не случившемся инциденте. – Телефона у меня отродясь не было, читал в газетах, от него рак можно заработать. А вот к подобным ситуациям я был готов уже давно. Патрик, – он протянул руку.

– Палмер, – рука индейца была жесткой, как камень, и

теплой. – Что за имя такое? Патрик.

– Пес его знает, – пожал плечами тот. – Я его сам выбрал, когда мне лет шесть было. До этого по детским домам шатался, каждый называл меня как вздумается. И Зеленый Змей, и Дикий Волк, знаешь, там фантазия у американцев бурная – если индеец, значит, будешь Гадкий Павиан или типа того. Патрик – вроде ничего, шотландское.

– Ирландское, – поправил Палмер.

– Да и пес бы с ним, – махнул рукой индеец. – Не был ни в Шотландии, ни в Ирландии. Показывай, Палмер, что с машиной.

Порше уже изрядно занесло снегом, даже фары заледенели, и теперь из красного суперкара он превратился в бело-снежный перекошенный сугроб.

– Мать твою за ногу! – воскликнул Патрик, приблизившись к автомобилю. – Это что за монстр такой неведомый? – Он смахнул снег с капота, быстрым движением расчистил фары.

– Порше, – ответил Палмер. – Неделю в гараже пылился, а на первой же вылазке подвел.

Индеец еще раз с любопытством взглянул на случайного знакомого, затем заглянул в салон и поздоровался с Алисой. Та в ответ опустила стекло и попросила прикурить. Патрик достал из внутреннего кармана куртки помятую пачку и протянул девушке.

– Это еще что? – настороженно спросила Алиса, намор-

щив лоб.

– Табак, – пожал плечами Патрик. – Сам собирал и крутил пару дней назад. Только подсох, свежайший.

– А фильтр сам не делал? – она нахмурила брови. – Не от холода, так от папирос твоих сдохнуть еще не хватало.

Индеец пожал плечами и убрал пачку обратно, не обращая внимания на скверность характера новоиспеченной знакомой.

– Дело плохо, – заключил он, исследовав машину. – Далеко уехать не получится. В радиусе ста миль не найдется мастера, который смог бы поменять такие колеса. Есть тут один парнишка с руками неподалеку, но разве же будет у него такая резина? Он в основном грузовиками занимается. Домкрат-то у меня есть, но резина сильно повреждена.

– Ишь ты, какой умный, – хмыкнула Алиса. – Спасибо за профессиональное заключение, сами бы ни в жизнь не догадались.

– До города нас подвезешь? – встрял Палмер, не давая жене накалять атмосферу. – Плачу щедро.

– До города бензина не хватит, – развел руками Патрик. – Да и как тут эту красотку оставить?

– Никто меня не оставит, – вставила Алиса, – мой муж заботливый, когда нужно.

– Да я про машину говорил вообще-то, – глотнув рома, ответил индеец. – Жалко, стоит, наверное, кучу денег.

– Глупо погибать в холоде, сидя на куче денег, не нахо-

дишь, друг? – рассмеялся Палмер.

– Истину говоришь, мать твою, – подтвердил Патрик. – Слушайте, поехали со мной. Тут полчаса до «Монти Дад» – я там работаю. Переждем ночь, а наутро что-нибудь придумаем.

– Что еще за «Монти Дад»? – спросила Алиса.

– Как что? – развел руками Патрик, как будто это название было на слуху у всех. – Отель такой. Он в горах высоко. Дорога у канатки упирается в скалу, дальше только вверх. Выбор-то у вас небольшой, как я погляжу. Так что решать нужно сейчас, потому как мой босс хоть и старый, как мамонт, но жесткий, как Саддам Хуссейн. Может и матом обложить, может и кулаком по роже съездить.

Палмер и Алиса переглянулись.

– Деваться некуда, – рассудил Палмер. – Переночуем в отеле, глядишь, там связь появится. Машину оставим здесь, завтра уж точно эвакуируем.

– Это не опасно? – настороженно спросила Алиса.

– Наверняка не так опасно, как ехать домой к незнакомому парню в Вегасе после часа знакомства, – прыснул Палмер.

– Хотел бы я быть тем парнем, – обронил индеец и тут же осекся, бросив взгляд на Алису. – Ну, вперед, снег так и валит, глядишь, и канатная дорога вот-вот встанет.

Два чемодана из крокодиловой кожи перекочевали из порше в будку грузовика, заполненную коробками и сумками. Все залезли в кабину, и Патрик тронулся, с хрустом пе-

реключив механическую коробку. Ехали медленно, снегопад усилился, и старые дворники едва справлялись, сильно скрипя по стеклу. Дорога была скользкой, машину часто заносило, что заставляло Алису то и дело ахать и хвататься то за Палмера, то и вовсе за Патрика. По обоим бокам извилистой дороги возвышались могучие ели, плотной стеной окутывая узкие участки, ведущие в сторону неизведанного тупика. В кабине пахло спиртом и дешевым табаком.

– Что везешь, друг? – спросил Палмер, дабы разбавить молчание.

– Провизия – еда, химия, расходники, – ответил Патрик. – Я каждый четверг в город мотаюсь, запасы пополняю.

– Там и вправду отель на горе? – спросила Алиса.

– «Монти Дад», – с гордостью ответил индеец. – Правдивее некуда.

– Кто же там живет? – не успокаивалась она. – Это ведь край цивилизации – дороги нет, связи нет, холодно, да и каким нужно быть ненормальным, чтобы приехать сюда?

Индеец посмотрел на Алису, затем на Палмера и отхлебнул из бутылки рома.

– У нас сейчас четыре постояльца. Номера на третьем этаже закрыты на ремонт. На первом нет отопления. Все живут на втором, да и вас туда же поселим.

– И как же там оказался этот «отель»? – напирала Алиса. – Небось все пять звезд, никак иначе, а?

– Пять звезд, – без толики сарказма подтвердил Патрик, и

в голосе его слышалась гордость. Алиса и Палмер скептически переглянулись. – Построен «Монти Дад» был слишком давно – лет сто назад, а может, и поболее того – тогда эта страна была другой. Предприниматель по имени Блэйк Монти соорудил это здание на самом верху – сначала выстроили канатку, затем на ней доставили оборудование и материалы, а потом и сам отель возвели. Говорят, что двадцать лет строили. Двадцать гребаных лет! Оно и не мудрено, ведь тогда и технологий-то не было, а еще если учесть, что место он выбрал не совсем удобное... Сам Монти умер через неделю после торжественного открытия, и всем стал заправлять его сын – Дадли. В те годы отель имел популярность среди политиков и преступников, которые хотели отдохнуть в тишине – без лишних вопросов. Министры, наркобароны и прочие влиятельные персоны со всего мира проворачивали сделки вдали от суеты. Дадли Монти управлял отелем двадцать лет – поговаривали, что он был интересным человеком, который лавировал между политиками и бандитами, звездами Голливуда и главами дипломатических миссий. Но даже его умений не хватило, чтобы сохранить дружбу со всеми. Неизвестно по каким причинам, но ему пришлось продать отель какой-то компании из Миннесоты. Эти ребята, воротилы из промышленности, подняли бизнес, как пить дать. Я слышал, что «Монти Дад» в те времена был полон круглый год – сервис на высочайшем уровне, лучшая кухня, лечебные процедуры. Ходили слухи, что здесь гостил сам Черчилль, мать

его! Да, это был настоящий отель на пять звезд – все по самому высшему разряду. Что было потом – история печальная. Ребята из Миннесоты почти обанкротились, и им пришлось выставить отель на аукцион. За два года не было подано ни одной заявки. Так они и пропали куда-то, как будто испарились. Персонал почти весь уволился – остались только лобби-бой, консьерж и инженер. Инженером был мой папаша – я теперь работаю там вместо него, а заодно выполняю прочую работу. Консьерж умер пятнадцать лет назад, а лобби-бой у нас – директор. Самый старый директор, которого я знал. По документам «Монти Дад» все так же принадлежит компании из Миннесоты, да вот только уже сорок лет заправляет там старичок Варгинс – мой босс и хранитель этого места. Барменом там работает его сын, он же и повар. Я веду все хозяйство, а сам Варгинс занимается бумагами.

– Классная история, – кивнула головой Алиса. – Что из этого правда, ты, конечно, не знаешь.

– Правда в том, что мы едем в пятизвездочный отель на вершине горы, которому больше ста лет, – вставил Палмер. – И ради этого можно пожертвовать даже порше.

– Слушай, а ничего, что ты пьешь за рулем? – вдруг спросила Алиса, напряженно глядя на ром в руке индейца. – Разве это не опасно?

– Полиции здесь отродясь не было, – пожал плечами Патрик. – А без рома дорога скучная больно. Я на лошади раньше ездил – пил еще больше. Теперь уже и здоровье не то, но

без рома как-то уж скучно.

Старый грузовик остановился у подножия скалы. Патрик припарковался на пяточке, с которого днем, должно быть, открывался чудный вид на горы. Все трое вышли из машины – индеец открыл кузов и вытащил несколько пакетов, Палмер и Алиса забрали свои чемоданы. В метрах тридцати от них начиналась канатная дорога, уходящая далеко ввысь, но сейчас в кромешной тьме виднелись лишь мелкие огоньки где-то наверху. Индеец нажал на большую скрипучую кнопку, вызвав кабину, и они принялись ждать. Прямо на скале виднелся старенький металлический билборд, на котором нечетко вырисовывалась надпись, сделанная в двадцатом веке – «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ОТЕЛЬ МОНТИ ДАД».

– Четыре тысячи над уровнем моря, – обронил Патрик. Алиса с недоверием покачала головой.

Кабина подоспела минут через десять. Все трое забрались внутрь, Патрик быстро разгрузил машину, переместив коробки из кузова. Сиденья, некогда кожаные, были подраны, кое-где виднелся поролон. Стойки проржавели в некоторых местах, стыки скрипели. На стеклах виднелись выцветшие надписи «Отель Монти Дад. Собственность «Миннесота Прайват Девелопмент».

– Надежным этот способ перемещения не выглядит, – настороженно осматривая кабину, сказал Палмер.

– Канат меняли тридцать лет назад, так что можешь быть спокоен, – махнул рукой Патрик. – Механизм еще крепкий,

я сам смазываю его каждый месяц.

– Ага, успокоил, – прыснула Алиса. – Ну-ка, дай рома глотнуть, хоть не так страшно будет.

Кабинка тронулась со скрипом и качнулась. Поднималась она медленно, тяжело преодолевая метр за метром. Алиса на середине пути заскучала, Патрик молча глядел впереди себя. Палмер каждые тридцать секунд смотрел в смартфон в ожидании появления сигнала.

– Днем здесь чудесный вид, – проговорил Патрик.

– Как это лобби-бой стал вдруг директором? – внезапно спросила Алиса.

– Не понял, – насупился индеец.

– Ты сказал, что лобби-бой у вас директор, это как возможно?

– А, так после того как промышленники выставили отель на аукцион, весь персонал быстро слинял. Остался мой папаша, консьерж, который ничего не умел, да и лобби-бой – мальчишка лет двадцати. Кому-то нужно было взять на себя управление, и все решили, что лучше всего справится Варгинс, потому как он и писать умел, и знал отель лучше всех. Так и получилось всем на удивление. Мы ни разу не получали денег от промышленников, с тех пор как они исчезли, ни разу, мать их! А «Монти Дад» все работает – уже сорок лет!

– И кто же у вас там останавливается? – спросил Палмер.

– Сами увидите, – пожал плечами индеец.

Часть вторая

Отель на горе

При первом взгляде отель на горе напоминал античный музей или какой-нибудь средневековый театр. Трехэтажное здание выросло прямо на вершине заснеженной горы и по виду не внушало уверенности. Даже в темноте были видны облупившаяся штукатурка, потрескавшиеся откосы на окнах и обломанные ступени, какие-то выбоины на колоннах и фасаде. Этаким римский Колизей посреди белой пустыни, окруженный со всех сторон обрывающейся снежной пустотой. В окнах не было света, но у входа ярко горел один фонарь из четырех, вполне сносно освещая широкое крыльцо. Прямо над главной дверью, ведущей в холл, красовалась надпись «Монти Дад», буквы когда-то светились, но теперь они были ржавыми и мертвыми, солнце превратило некогда красный цвет в блекло-розовый, а буквы «о» и «а» слегка покосились. На втором и третьем этажах были видны балконы, украшенные балясинами, а массивные колонны, коих здесь насчитывалось целых двенадцать, возвышались от самого цоколя до крыши.

Кабинка замедлила ход на площадке, и все трое второпях выскочили наружу, только и успев, что прихватить свои чемоданы. Патрик наскоро разгрузил поклажу, выбрасывая ко-

робки и пакеты прямо на снег. Механизм продолжил ход, и Алиса каким-то грустным взглядом проводила уходящую во тьму кабину, как будто жалея, что теперь у них нет шансов покинуть это место. Здесь было жутко холодно, наверное, градусов на пять ниже, чем внизу, и Палмер поежился, глядя на то, как расхаживает Патрик – без шапки и рукавиц, с расстегнутой курткой, обнажающей красную шею. Индеец прихватил первую партию груза и уверенно направился ко входу, парочка последовала за ним. К главному входу вела вычищенная дорожка, простирающаяся от площадки, где они высадились. Восемь мраморных ступеней вели к массивной двойной двери из благородных пород древесины. Рядом с дверью виднелся огромный колокольчик, а ручки здесь были представлены в виде золотых колец.

Патрик торжественным движением распахнул обе двери, и все трое попали в просторный холл. Здесь было прохладно, тепло создавал лишь огромный камин в самом центре, где резвилось скромное пламя, разбрасывая вокруг яркие искры. Уголь потрескивал каждый раз, когда старик, сидящий у камина в кресле, тормозил его кочергой. Граммофон в углу играл какую-то древнюю мелодию военных лет, и Алиса прыснула от подобной помпезности. Свет был ярким – холл отеля освещали десяток хрустальных люстр и еще порядка ста настенных бра, в каждой из которых горела настоящая свеча. Пол был мраморным, но в некоторых местах здесь виднелись плотные багровые ковры, кое-где побитые молью.

Помимо старика у камина в холле собрались еще четверо – наверное, это и были постояльцы, о которых говорил индеец. Все они устремили свои взгляды на незнакомцев, с любопытством разглядывая нежданных ночных гостей. Патрик тут же проследовал к двери, где красовалась табличка «Только для персонала», неся несколько коробок с провизией.

– Доброй ночи, – проговорил старик у камина и поднялся с кресла. На плечах его был наброшен старый клетчатый плед, а в руке он держал бокал с виски. – Добро пожаловать в «Монти Дад»!

Проговорил он это с гордостью, с уверенностью в голосе, как будто это был «Ритц Карлтон» или «Фо Сизионс». Старику на вид было лет семьдесят пять – слегка сгорбленный, почти лысый, худощавый. Лицо его покрывали бесчисленные морщины и коричневые пятна, густые седые брови ключьями нависали над маленькими карими глазками. На левой части его черного пиджака виднелся желтый герб отеля – пик горы, из-за которой выходит солнце. Взгляд его все же не был столь приветливым, возможно, от тяжести прожитых лет или же от того, что гости нарушили его покой.

– Вы хотите остановиться у нас в отеле? – спросил он это, должно быть, следуя какому-то древнему протоколу, разработанному менеджерами отеля для встречи гостей.

– Да, – ответил Палмер. – Мы хотим снять номер на одну ночь.

Варгинс сначала посмотрел на него, затем перевел взгляд

на Алису и пристально изучил ее с ног до головы. Он поставил бокал с виски на небольшой журнальный столик и медленно подошел к паре. От старика пахло пылью, и этот вездливый взгляд не давал Палмеру покоя.

– У нас есть прекрасный номер на втором этаже для вас!

– Отлично, – кивнул Палмер. – Вы принимаете кредитные карты?

Старик отрицательно покачал головой.

– Нет, господин, мы предпочитаем работать с наличной валютой. Извините за доставленные неудобства, но здесь проблемы со связью, да и до банка ехать очень далеко.

– Сколько с нас за ночь? – потянувшись за бумажником, спросил Палмер.

– Вам потребуется одна двуспальная кровать или же две полуторные? – уточнил Варгинс и снова посмотрел на Алису. Она прыснула.

– Мы женаты пару недель, поэтому нам одну, – как можно громче сказала она. В холле раздался смех.

– Как будет угодно, – обходительно проговорил старик. – Стоимость стандартного номера за ночь в этот период у нас составляет одну тысячу триста двадцать долларов, плюс городской налог, разумеется.

Палмер кашлянул и отступил назад в недоумении. Алиса усмехнулась, приняв это за шутку.

– Вы серьезно? – спросил Палмер. – Почти полторы тысячи за одну ночь?

– У нас пятизвездочный отель премиум-класса, господин, – с полной серьезностью и даже обидой в голосе проговорил Варгинс. – И за последние тридцать лет мы повышали цены лишь дважды – в восьмидесятых и в две тысячи втором. Вы вправе отказаться от проживания и еще можете успеть на подъемник. Он прекращает работу в полночь, – старик задрал подбородок, не отводя взгляда.

Палмер стиснул зубы, к щекам прилила кровь. Он оглядел холл, пытаясь усмирить свое негодование. Остатки былой роскоши отдаленно напоминали, что много лет назад это было место, где собирались сильные мира сего. Темно-зеленые обои из сукна уже давно выцвели, кое-где виднелись потертости. Стойка регистрации была заброшена – вероятно, директор редко пользовался этим местом. На стенах были портреты каких-то мужчин в костюмах, дам с собачками и семейные черно-белые фотографии, жуткие для двадцать первого века. Среди этих лиц Палмер узнал и Черчилля, сидящего в кресле у того самого камина, мелькнула парочка лиц азиатской внешности, первый президент России Горбачев. В правом углу виднелся бар, где на полках красовались бутылки с отпитыми виски и коньяком. У бара расположился низкий стеклянный стол, за которым два постояльца играли в бридж. Молодой парень в солидном твидовом костюме уединенно читал газету и курил сигару рядом со столом для бильярда. Возле камина сидел еще один мужчина преклонных лет – во рту у него виднелась трубка, а у ног лежала

гончая, которую он чесал за ухом.

– У меня нет с собой столько наличных, – наконец выпалил Палмер, осознавая безвыходность положения.

– Что ж, это элитный отель, господин, и мы не можем себе позволить расселять гостей бесплатно, – развел руками старик. – К тому же нашим постояльцам может не понравиться соседство с людьми, которые не соответствуют им по статусу.

– Послушайте, – с трудом сдерживаясь, проговорил Палмер. – Наши чемоданы стоят по девять тысяч долларов, мои очки стоят три тысячи долларов, часы – тридцать тысяч. Мы приехали сюда на машине за восемьдесят тысяч. Не надо говорить мне про статус, ведь проблема не в нас, а в том, что ваш так называемый элитный отель не принимает к оплате карты в две тысячи семнадцатом году!

– Прошу вас, не повышайте голос, господин, – покачал головой старик, – вы расстраиваете наших постояльцев, будьте же сдержаннее.

– Все хорошо, Варгинс, – подал голос человек у камина, и Палмер невольно перекинул на него взгляд. По возрасту он был ровесник бывшему лобби-бою, который уже безумно раздражал его, а возможно и старше. На старце был махровый халат бордового цвета с каким-то странным гербом на левой стороне (возможно, это был герб его семейного клана, кто ж разберет). На ногах – огромные меховые тапки, рядом с креслом виднелась черная лакированная трость с золотым набалдашником. Волосы его были седыми с черными

бакенбардами, вытянутое лицо гладко выбритое. Старик носил круглые очки, был тучен, а голос его скрипел, что входная дверь отеля. – Запиши проживание этих очаровательных молодых людей на мой счет. Не возвращаться же им обратно в такую погоду!

Палмер внимательно смотрел на старика, стараясь понять его мотивы, а затем перевел взгляд на директора.

– Добро пожаловать в «Монти Дад»! – улыбнувшись, выпалил Варгинс, сиюминутно поменявшись в лице. – Для оформления мне понадобятся ваши документы.

Алиса нырнула в сумку, вынула оттуда документы и протянула их Варгинсу. Старик взял оба ID и медленно поковылял обратно к камину. Палмеру показалось, что его спутнице весьма по душе подобное приключение, уж больно много интереса в ее глазах появилось с тех пор, как они попали в холл. Да и мужчины с любопытством взирали на появившихся среди вечера незнакомцев.

– Вы можете выпить что-нибудь в нашем лобби-баре, пока я занимаюсь оформлением, – на ходу проронил директор. – О вашем багаже позаботится метрдотель.

Из-за угла вышел Патрик, который, оказывается, был еще и метрдотелем, и с улыбкой на лице взял чемоданы гостей. Палмер и Алиса отправились к лобби-бару, пока Варгинс медленно переписывал данные гостей на специальный бланк. За стойкой приветливо улыбался бармен – сорокалетний худосочный мужчина в черной атласной рубашке, с

длинными убранными в хвост волосами. Палмер усмотрел в нем уже успевшие его разозлить черты лица – острые скулы, нос с горбинкой и весьма сомнительная приветливость.

– Что будем пить, дорогие гости? – пухлые губы его расплылись в искусственной улыбке.

– Виски восемнадцатилетний, – бросил Палмер.

– Мне тоже, – проронила Алиса.

Бармен кивнул, взял с полки бутылку с виски, бросил в стаканы льда и наполнил их.

– Пожалуйста, с вас триста долларов, – он поставил стаканы на барную стойку и подал лимон.

– Матерь божья, что за цены у вас! – воскликнул Палмер. – Я бывал во многих отелях, но такого не видел нигде! В Дубае, Гонконге, Вегасе, Цюрихе с меня ни разу не брали сто пятьдесят долларов за стакан.

– Не позорь меня, – буркнула Алиса. – Мы в приличном обществе.

– Это не означает, что общество добавляет приличия тебе, – съязвил Палмер. – Мы в старом заброшенном отеле, который вот-вот развалится. Здесь нет ни связи, ни интернета, карты не принимаются, холодно, сюда не добраться ни на одном виде транспорта – и этот отель называют пятизвездочным? Кем надо быть, чтобы остановиться здесь на неделю? Арабским шейхом или русским губернатором?

– Молодой человек, – послышался голос одного из игроков в бридж, что восседали прямо у барной стойки. Мужчи-

на лет шестидесяти – толстый, почти лысый, в черном фраке с бабочкой. На левой его щеке виднелась огромная коричневая родинка. Он держал в руках карты и смотрел на Палмера снизу вверх. – Я очень вас прошу, не стоит переживать из-за денег. Вы еще очень молоды, и так уж случилось, что судьба занесла вас в «Монти Дад», а это, как по мне, знак неслыханного везения. Все расходы на выпивку и кухню оплачу я, а за проживание заплатит мой знакомый – Вильям, с которым вы уже успели пообщаться. Не стоит переживать о ценах, ведь вы на отдыхе. К тому же, у вас есть еще уйма времени, чтобы заработать столько денег, чтобы позволить себе жить в местах вроде этого. Меня зовут мистер Эрикссон, как я могу обращаться к вам?

– Палмер. Спасибо, конечно, за проявленную щедрость, мистер Эрикссон, но я привык платить за себя сам, и если бы в этом элитном пятизвездочном отеле принимались карты, я бы без особых трудностей позволил себе и выпить тут, и пожить. Может быть, я даже выкупил бы этот отель, кто знает?

– Ах, если бы я был моложе лет на тридцать, я бы непременно положил глаз на вашу прекрасную спутницу, – улыбнулся мистер Эрикссон, переключившись на Алису. – Но где мои годы? Извините за такую прямоту, но я уж больно падаю на подобную красоту. Прошу вас, присядьте к нам за стол, давайте разделим этот прекрасный напиток. И хватит уже говорить о деньгах! Это так вульгарно, ведь у нас есть столько интересных тем для обсуждения!

Алиса взяла со стойки бокал и присела к мужчинам, улыбнувшись каждому. Палмер нехотя сделал то же самое, бросив взгляд на не перестающего улыбаться бармена. Он опустил в черное кожаное кресло с золотыми кнопками и поставил бокал на подлокотник. По правую от него руку расположилась Алиса, которая закинула ногу на ногу, подперла голову рукой и внимательно рассматривала собеседников. По левую сидел еще не представленный незнакомец.

– Я не представил своего друга, – сказал мистер Эриксон. – Знакомьтесь, господин Бьорн.

– Рад встрече, – поднявшись и протянув руку Палмеру, сказал Бьорн. Крупный мужчина с короткими светлыми волосами, серыми глазами и широкими скулами. Его пиджак висел на спинке кресла, а белая рубашка была навывпуск. Судя по виду, он был из какой-то скандинавской страны. Хватка его была крепкой, а взгляд серых глаз суровым, в то же время по-родительски добрым. – Господин Палмер, госпожа...

– Алиса, – улыбнулась она и отпила из бокала.

Он пожал руку и ей и снова уселся в кресло.

– Так что же привело вас в «Монти Дад»? – спросил Бьорн и взял со столика виски. Тучность его соответствовала басистому голосу.

– Можно сказать, что забрели сюда совершенно случайно, – ответил Палмер. – Машина сломалась, но на счастье нас подобрал Патрик, – он снова осмотрелся и обратил вни-

мание на человека, который стоял в стороне и не принимал никакого участия в беседе. – А вы, господа, какими судьбами оказались здесь?

Бьорн и мистер Эрикссон переглянулись, как будто для согласования ответа.

– Я провожу здесь отпуск каждый год, – после паузы вымолвил мистер Эрикссон. – Вот уже двадцать лет приезжаю в эти места. Живу здесь по два или даже три месяца, ни о чем не думаю, общаюсь с людьми. Самое прекрасное время, какое только доступно человеку на этой земле.

– Ну, а я провожу в «Монти Дад» по восемь месяцев в году, – сказал Бьорн. – Я узнал об этом месте не так давно – пять лет назад, и с тех пор большая часть моей жизни проходит тут. Есть здесь какая-то магия, которая манит снова и снова. Как представляю, что через пару недель нужно будет возвращаться домой, в Осло, тоска нападает. Хотя там тоже прекрасно и снега в достатке, – он рассмеялся.

– Господин Палмер, госпожа Алиса, – донесся голос директора. – Вы можете заселиться в ваш номер. Вещи уже на месте.

Палмер поднялся, Алиса нехотя встала вслед за ним.

– Ваш номер два ноль семь, на втором этаже, – директор протянул ключи. – Завтраки проходят внизу с семи утра. Подпишите вот здесь и приятного отдыха в отеле «Монти Дад»!

Палмер не глядя расписался в документе и отправился на-

верх, взяв Алису за руку.

– Непременно возвращайтесь, друзья! – проговорил им вслед мистер Эрикссон. – Вечер только начинается, не скушать же вам в номере!

Они поднялись по широкой мраморной лестнице на второй этаж, затем проследовали по узкому коридору, руководствуясь указателями. На стенах были обои, через каждые два метра висели позолоченные бра, лампы в которых часто мигали. Полы скрипели при каждом шаге, но ступать по мягкому красному ковру было весьма приятно. Комната два ноль семь расположилась в середине коридора. Палмер достал ключ и открыл дверь. Пахнуло затхлостью – так обычно пахло в старых театрах, где владельцы тщательно поддерживали атмосферу истории. Номер был просторным, с большим балконом, двумя комнатами, двумя санузлами. Здесь не было телевизора и кондиционера, зато был отдельный камин, огромная кровать и не менее огромный кожаный диван. Убранство можно было назвать шикарным – все вокруг блестело золотом, резные вензеля покрывали потолок и стены. Мебель была старой, наверняка в антикварном магазине за нее дали бы солидную сумму. Палмер зажег лампу на прикроватном столике и плюхнулся на мягкую кровать.

– Я в душ, – бросила Алиса и скрылась в одной из ванных комнат, скидывая попутно одежду.

Палмер сбросил с ног зимние ботинки, размял затекшие пальцы на ногах, еще раз огляделся и поднялся. Он несколь-

ко раз прошелся по комнате, выглянул в окно, встретив лишь непроглядную тьму, полистал журнал за 1964 год, где красовались фотографии какой-то автомобильной выставки в Париже. Открыл чемодан, проверил, все ли месте, а затем буркнул себе под нос: «К черту все», и покинул номер.

Часть третья

Игра

Вернувшись к бару, Палмер обнаружил свой бокал на том же месте. Мистер Эрикссон и Бьорн живо о чем-то переговаривались, яро жестикулируя, улыбаясь, но, завидев Палмера, они как будто чего-то испугались и тут же прекратили дискуссию, откинувшись на спинки кресел. Директор отеля все так же сидел у камина вместе со стариком, представленным как Вильям, который, не отрываясь, читал газету и дымил, покуривая трубку. Гончая подняла голову, но, не увидев ничего интересного, снова улеглась, глядя в пламя, игравшее в камине. Одинокий парень в твидовом костюме все так же стоял возле бильярдного стола и курил сигару, отрешенно заглядывая в газету, которую он, судя по всему, уже успел затереть до дыр.

– Где же ваша прекрасная спутница, господин Палмер? – улыбнулся мистер Эрикссон. – Разве не разбавит она сегодня наш мужской вечер?

– В этом есть и плюсы, – усмехнулся Бьорн, – можно ругаться во всю глотку, а ведь еще два бокала, и я буду кричать скандинавские матерные частушки.

– Можете не переживать, она сейчас спустится, – ответил Палмер, бросил взгляд на бильярдный стол. – Как насчет иг-

ры на бильярде, господа? – вдруг вымолвил он. – Здесь имеется прекрасный стол, сукно практически новое. Так почему бы нам не сразиться?

– Я смотрю, здесь есть профессионал? – распрямился Бьорн. – Было бы неплохо сыграть на что-нибудь. В молодости я слыл прекрасным игроком.

– Что ж, – пожал плечами Палмер, – раз господа соизволили заплатить за мое проживание и выпивку, а это обошлось им в общем в тысячу шестьсот двадцать долларов, я предлагаю утроить ставки и сыграть на пять тысяч долларов.

– Это серьезный разговор, – хлопнул в ладоши Бьорн, которого раззадорил азарт Палмера. Он допил виски до дна. – Господа, вечер обещает быть жарким!

– Но простите, – послышался голос, который до сих пор не звучал в этом холле. Это говорил молодой франт с сигарой в зубах. Он носил светлую бороду, волосы были убраны и блестели от геля, а в глазах играл какой-то странный огонь. Он отложил газету на столик и поднялся. – Как же вы, господин... Палмер, кажется, собираетесь выплачивать, если проиграете? Наличных, как все здесь поняли, у вас нет, а проигрыши в бильярд кредитками не оплачиваются.

Палмер покосился на молодого мужчину, взял стакан с виски и тоже поднялся с кресла.

– У всех мужчин есть слово, которое стоит больше любой суммы, – сказал он. – Мое слово – это гарантия. Гарантия того, что в случае проигрыша я сумею рассчитаться с побе-

дителем.

– Это серьезное заявление, слишком серьезное для человека, которого тут никто не знает, – выпалил франт. – Я, кажется, единственный, кто здесь не представился. Так вот, имя мое – Дормер, и я, признаться, заинтересован в игре с вами не менее, чем господин Бьорн. Однако все эти цифры – в пять тысяч и так далее – они слишком утомительны и скучны, не находите? – Он подошел ближе к Палмеру. В руках у Дормера дымилась сигара, а пахло от него дорогими духами. Это был симпатичный и статный мужчина, вызывающий уважение, которое граничило с отвращением, пробужденным самоуверенностью и надменностью. Он как будто выбивался из этой компании стариков, наслаждающихся последними днями жизни в тихом месте. Все они, вальяжные, манерные, сильно контрастировали с этим дерзким и загадочным человеком. Дормер как будто олицетворял жизнь, всем своим видом давая понять, что настали новые времена и дорогу пора уступать следующему поколению. Он одним своим видом говорил – вы, старики, останетесь здесь до смерти, а я вернусь в большой мир и буду держать эту жизнь за гриву. К тому же, он был единственным из всех, кто не выказывал Палмеру и толики уважения. Он не лицемерил и не подлизывался, что в какой-то степени настораживало Палмера.

– Что вы предлагаете? – спросил Палмер. Бьорн суетился на своем кресле, ощущая, как в спину дышит конкурент, готовый занять победный пьедестал.

– В слова я не верю, – развел руками Дормер. – К сожалению, в наше время приходится верить только действиям. Я, так же как и вы, попал в это место случайно, в отличие от прочих джентльменов. Моя машина осталась на стоянке в ближайшей деревне, которая мало чем отличается от какой-нибудь глубинки во Вьетнаме. Краем уха я услышал стоимость вашего автомобиля, и так уж совпало, что и мой автомобиль стоит примерно столько же. Почему бы не поднять ставки и не сыграть на авто? Думаю, это будет разумное соревнование.

– Одумайся, дружок, – послышался женский голос, и все устремили свои взгляды к лестнице, где тихо стояла Алиса. На ней было вечернее черное платье выше колен с вульгарным вырезом, открывающим спину и подчеркивающим формы груди. Она успела надеть туфли с каблуками, накрасить губы и глаза. – Здесь не казино и не клуб любителей азартных игр. Мы в отеле.

Дормер улыбнулся и сильно затянулся сигарой. Он обвел взглядом Алису, жадным и властным, как будто питон смотрит на свою жертву, которую вот-вот сожрет, а затем перевел взор на Палмера.

– Когда женщина может влиять на мужчину даже в таких делах, как азартные игры, встает вопрос – кто же правит этим миром? – спросил Дормер с улыбкой.

– Я обращаюсь к вам, а не к своему мужу, – хихикнула Алиса, и на лице Дормера тут же образовалась мрачная тень,

а господ в зале все как один прыснули от столь изысканной дерзости. – В Вегасе ему не было равных. Он прирожденный игрок.

– Но здесь не Вегас, – резко ответил Дормер, отбросив в сторону все формальности. – И я не обдолбанный казиношник, который ставит последние деньги на игру. Спасибо за совет, но лучше отговаривайте своего мужа, раз уж вы вместе принимаете решения, которые обычно относятся к компетенции мужчины.

Алиса улыбнулась, заинтересованно посмотрела в глаза Дормеру, а затем прошла к бару и взяла со столика свой бокал.

– А знаете, на это будет интересно посмотреть, – заключила она, присела на кресло и закинула ногу на ногу. – Люблю наблюдать разочарование в глазах тех, кто слепо верил в свою победу.

Палмер прошел к столу, взял со стойки кий и совершил пару прицельных ударов, загнав шары в лузы.

– Оу, – проговорил Дормер, присоединившись. – Эта война не будет молниеносной. Я смотрю, передо мной настоящий профессионал.

Палмер достал из кармана ключи от авто и бросил их на соседний стол. Дормер сделал то же самое. Порше и мерседес, владельцем которых должен стать один-единственный человек.

– Где вы учились играть? – спросил Палмер, готовясь к

игре.

– В особой школе, – ответил Дормер. – Туда не берут тех, кто коротает ночи за рулеткой.

– Что ж, мою школу тоже смело можно назвать особой, – пожал плечами Палмер.

– И пускай победит сильнейший! – воскликнул мистер Эрикссон, нарушая зарождающуюся вражду. – А мы пока побеседуем с этой прекрасной дамой, – и он с улыбкой на лице повернулся к Алисе.

Бить первым согласно жребию довелось Палмеру. Первым же ударом он загнал в лузы три шара, чем вызвал аплодисменты Бьорна и мистера Эрикссона, которые умудрились охмурять даму и одним глазом подсматривать за игрой. Варгинс и Вильям с любопытством наблюдали за партией, восседая в креслах у камина, но оба они молчали, стараясь не втягиваться в развернувшееся действие. Дормер хладнокровно следил за действиями Палмера, и лишь глаза его двигались, следя за перемещением шаров. Он был внимателен и сосредоточен, ожидая ошибки, которую должен совершить его визави. И Палмер прекрасно понимал, что эта одна ошибка может означать для него проигрыш. Дормер был напряжен, как тетива лука в момент выстрела, Палмер же, наоборот, был слишком расслаблен и даже небрежен, что в конце концов привело к осечке. Шар под номером восемь совсем немного не докатился до заветной цели, остановившись прямо у лузы. Палмер вздохнул, отложил кий и отхлебнул немного

виски, переводя дух. Это был настоящий подарок, и Дормер как будто почувствовал тяжесть победы в своем кармане. Он исподлобья поглядел на Палмера, начистил кий мелом и совершил резкий уверенный удар. Шар номер восемь был с треском вколочен в лузу.

– Если мы сейчас остановимся, я признаю ничью, – вдруг проговорил Палмер.

Дормер замер, занес брови, и на лице его возникла неприятная улыбка, как бы возвышающая его над противником.

– Я еще раз повторяю, что мы не в Вегасе, господин Палмер, и торги здесь неуместны, – он уже собирался совершить очередной удар, но Палмер снова выпалил:

– Тогда предлагаю поднять ставки!

Дормер, замерший от негодования, выпрямился, с недоумением поглядел на своего соперника.

– В своем ли вы уме? – развел он руками. – Я в шаге от победы. Не представляю, что должно произойти, чтобы я не загнал в лузы оставшиеся шары.

– Тем не менее, мое предложение все еще в силе, – ответил Палмер.

– И что же вы хотите поставить?

Палмер достал из кармана пиджака смятый чек и бросил его на стол.

– Что это? – спросил Дормер.

– Чек на полмиллиона долларов, – ответил Палмер. – Я

получил его за дом в Майами. Живые деньги, здесь и сейчас. Никаких слов, только действия.

Взгляд Дормера был недоверчив и суров. Он взял чек, пристально его изучил, затем проговорил:

– С собой таких денег у меня нет.

– Кто же в этом сомневался? – съязвил Палмер. – Но я не буду воротить нос и строить из себя аристократа. Допустим, я поверю вам на слово. Дайте слово, что в случае проигрыша вы выплатите мне пятьсот тысяч долларов наличными по возвращении в город, и пускай эти джентльмены станут свидетелями нашего уговора.

– Вы, наверное, не в себе, господин Палмер. У вас нет шансов на победу, и поэтому я ничем не рискую. Мое слово, и пусть все присутствующие здесь джентльмены это запомнят, мое слово, что в случае проигрыша я обязуюсь выплатить господину Палмеру пятьсот тысяч долларов наличными.

– Шанс у меня равен один к ста тысячам, и я этот шанс, конечно, использую, – улыбнулся Палмер. – Так давайте же закончим эту партию и выпьем независимо от результата!

Дормер косо поглядел на Алису, которая лишь улыбалась, окруженная мужчинами со всех сторон, и как-то игриво поглядывала на него. Затем он подошел к столу и совершил прицельный удар. Удар этот был отточенным, профессиональным – шар направился прямым в лузу с идеальной скоростью, и все в холле замерли в ожидании. Бьорн поднял-

ся с кресла, и даже мистер Эрикссон теперь потерял интерес к общению с Алисой. Шар под номером три неудержимо двигался точно в цель, однако прямо перед самой лузой, точно так же, как и шар Палмера в прошлом, замер как будто по щелчку и остановился под возмущенный возглас наблюдателей. Алиса прыснула и, не сдержавшись, засмеялась в голос, обнажая белые зубы, ярко контрастирующие с помадой. Дормер обмяк, и даже в гамме эмоций было слышно, как скрипнули его зубы. Лицо его стало красным, затем резко побледнело, на лбу вырисовалась синяя вена. Палмер же спокойно подошел к столу и вогнал шар в лузу легким ударом, не глядя. Партия закончилась быстро – никто и глазом моргнуть не успел, как все шары были распределены по своим местам. Дормер так и продолжил стоять в оцепенении, а победитель не спеша отложил кий в сторону, взял свой чек, взял оба ключа с кресла и отправился к бару.

– Как такое возможно? – буркнул Дормер.

– Один к ста тысячам, господин Дормер, – не оборачиваясь, ответил Палмер. Он взял бокал с виски и уселся в свободное кресло рядом с мистером Эрикссоном. – И теперь я хочу выпить за самые быстрые полмиллиона в моей карьере. Ах да, пятьсот восемьдесят тысяч. Все-таки время, проведенное с обдолбанными казиношниками, пошло мне на пользу, не находите?

– За победу господина Палмера! – поднял бокал Бьорн, с опаской поглядывая на остолбеневшего Дормера. – Это бы-

ло блестяще, будет сказано не в обиду господину Дормеру. Вы изрядно пощекотали нам нервы, не успев обосноваться. Что за удача! Я даже не представляю, какое разочарование сейчас испытывает ваш бедный партнер.

– О, это не разочарование, – махнул рукой Палмер. – Он пытается понять, где ему найти такие деньги. Я вижу, что господин Дормер не из вашей тусовки – в его счетах нет семи нулей, это ясно по повадкам, по вещам, по разговору. И поставить полмиллиона он согласился только потому, что был уверен в своей победе. Что ж, думаю, эта поездка запомнится вам надолго.

– Да уж, – согласился мистер Эрикссон, стараясь прервать нарастающее напряжение. – С вами играть в азартные игры я не буду даже под дулом пистолета.

Раздался хохот, и к компании приблизился Дормер. Он присел в кресло, достал сигару и задымил. Какое-то время в холле стояла тишина, разбавляемая треском пламени в камине. Сам же Дормер эту тишину и нарушил:

– Я присоединяюсь к поздравлениям, – наконец проговорил он. Голос его был спокоен и тяжел, злобы в нем не ощущалось. – Это было эффектно. Настолько эффектно, что трудно смириться со столь позорным поражением. Но разве стоят такие эмоции каких-то жалких полмиллиона? Конечно, нет. Признаюсь, вы мне сразу не понравились, господин Палмер. Я не видел в вас человека, который чего-то добился в этом мире. Вы показались мне случайным пассажи-

ром в этом поезде класса люкс. Только посмотрите на всех джентльменов тут – какой типаж, какие манеры! Все они повелители жизни – влиятельные и прозорливые, интеллектуалы и воротилы. Да, это место не для отребья, так что я снимаю шляпу и еще раз поздравляю вас с этой победой. Что же касается моего статуса, смею вас заверить, что обладаю таким богатством, которое многим и не снилось, и пусть господа из Америки и я, выходец из Великобритании, отличаюсь в повадках, ваше заявление обидело меня куда больше, чем этот досадный проигрыш.

– Спасибо, господин Дормер, за столь яркую речь, – допив виски, ответил Палмер. – Но раз уж вы решили высказаться, выскажусь и я. К вашему разочарованию, я и есть отребье. Да, меня не назовешь ни повелителем жизни, ни влиятельным или прозорливым джентльменом. Я – самое настоящее отребье, которое проводит время в казино, глотает таблетки, покупает дорогие машины, может подраться в пабе или в один миг поехать и прыгнуть с парашютом. Что там говорить, я женился на этой девушке, зная ее несколько часов, – он указал на Алису.

– Я бы поступил точно так же, – вставил мистер Эрикссон и усмехнулся.

– Конечно, я не человек из высшего общества, – продолжил Палмер. – Я рос в трущобах, мой отец пил, что мул, а мать пила еще больше. Мой старший брат бил меня каждый день по голове, и я радовался, когда он сдох в тюрьме от нар-

коты. Кстати, я и сам был в тюрьме за кражу. Знаете, что я украл? Пачку сигарет в супермаркете. Но та жизнь осталась в прошлом. Сейчас я богат благодаря моему богатому дяде, который скончался совсем недавно. Подумать только, еще пару лет назад я думал, как мне погасить кредит за дом, а теперь мой дом на берегу океана, у меня есть яхта, свой джет, автопарк из десятка машин, миллионы на счетах, как бы я ни старался их спустить, количество нулей не меняется, только растет, мать их! Да об этом мечтает каждый, черт возьми. И вот что я бы хотел сказать. Я всегда недолюбливал богатеев – думал, что все они жирные коты, которые отбирают деньги у малоимущих, пренебрежительны ко всему, слишком придиричивы, расточительны в собственных желаниях. Черт возьми, я был настоящим коммунистом! А теперь, когда я сам богат, я стал ненавидеть бедняков. Меня тошнит от их вида и от их убогости, от их грязных ногтей, от дешевых машин, от мозолистых рук. От их запаха и больше всего от их вечного нытья. Теперь я богат, но не это главное. Главное, что я всю жизнь был бедным. Это сочетание делает меня по-настоящему счастливым. Я чувствую себя всемогущим, ведь мне ничего не страшно. Мне не страшно сидеть в тюрьме, мне не страшно есть фастфуд, мне не страшно заболеть. Поэтому, господа «хозяева жизни», я пью за вас. За всех вас здесь сидящих, наслаждающихся этой скучной жизнью, вечно вспоминающих свои прошлые заслуги. За вас, тех, кто видит счастье, коротая дни в этом убогом

и забытом месте, застрявшем где-то в семидесятих годах. За вас!

Он взял бокал Алисы, осушил его до дна и со звоном опустил его на стеклянный столик. Остальные нехотя пригубили, слегка недоумевающие от столь пламенной речи.

– Что ж, – заключил Палмер. – Думаю, на сегодня достаточно приключений. Желаю всем прекрасного вечера... джентльмены. – Он посмотрел на жену. – Алиса?

– Я хочу еще выпить и побыть тут, – сказала она.

– Как знаешь, – пожал плечами Палмер и отправился наверх.

Часть четвертая

Случай на завтраке

Утро было белым. Палмер стоял на балконе, вглядываясь в снежную белизну. Метель выла волком – крупные хлопья снега металась в хаотичном танце, резко меняли направление, били по лицу. Балкон номера два ноль семь выходил на задний двор отеля «Монти Дад», да только видно ничего не было. Вот высоченные сосны, покрытые слоем снега, там внизу какая-то площадка, тоже вся усыпана сугробами, небольшой заборчик, какие-то ящики, дизельная подстанция. Палмер глянул на экран своего смартфона, в очередной раз наблюдая надпись «нет сети», и вернулся в номер. В лучах дневного света комната выглядела не так роскошно, как в блеске ночных жирандолей. В углах на потолке проглядывалась паутина, кое-где чернели трещины, обои порядком выцвели и кое-где даже отклеились. Алиса беспробудно спала в постели. Палмер знал, что она вернулась в номер в четыре часа утра, а точнее в четыре одиннадцать. Он решил не будить ее в подобную рань, зная предпочтения супруги, и сам отправился на завтрак.

Утро действительно было ранним – на часах с кукушкой, что расположились в холле, едва только пробило семь. Патрик, который работал в отеле и инженером, и водителем, и

метрботелем, мыл полы в холле. Он почтительно поздоровался, как будто всех тех матерных слов, сказанных им в грузовике, и не было вовсе. Палмер поздоровался в ответ, подмигнул ему и оглядел холл. В камине по-прежнему горели дрова, даря этому месту тепло, о вчерашних посиделках мало что говорило, лишь только старая гончая все так же тихо грелась у камина. Палмер спустился ниже, следуя указателям, расположенным вдоль широкой мраморной лестницы, туда, откуда доносился запах яичницы с беконом, томатов и фасоли, кофе и свежего хлеба. На нулевом этаже на удивление было полно народу. Все из вчерашних постояльцев, за исключением Вильяма, уже завтракали. Мистер Эрикссон и Бьорн сидели за одним столом, облаченные в лыжные костюмы. Дормер пил кофе в одиночестве. Директор Варгинс с тетрадкой сидел возле раздачи, а вчерашний бармен наливал кофе и наполнял тарелки едой. Здесь было прохладно, и Палмер пожалел, что облачился лишь в джинсы и легкий свитер.

– Доброе утро, господин Палмер! – воскликнул мистер Эрикссон и махнул рукой. – Присоединяйтесь к нам, сделайте милость!

Палмер кивнул присутствующим и направился к линии раздачи. Бармен поинтересовался, что гость желает на завтрак. Гость пожелал черный кофе, два вареных яйца и тост с малиновым джемом. Директор Варгинс записал пожелание в тетрадь, а бармен быстро подал ему желаемое. Палмер про-

следовал к столу, где завтракали мистер Эрикссон и Бьорн. Он опустился на стул, отпил немного кофе и принялся есть.

– Как спалось? – спросил Бьорн. Лицо его было гладко выбрито, глаза блестели, а пахло от норвежца свежим одеколоном. Подле него располагались несколько тарелок, в которых, судя по всему, некогда были все блюда, которые только подавали на завтраке.

– Я всегда сплю плохо, чутко, как будто готовый к тому, что меня все время пытаются убить, – ответил Палмер. – Последний раз я спал хорошо, когда мне было двенадцать. Но спасибо за беспокойство.

– Ах, вчера был просто великолепный вечер, – подхватил мистер Эрикссон. – Ваша супруга просто душка. Жаль, что она не смогла уделить нам больше времени и ушла всего через час после вас. Какой прекрасный из нее собеседник! И как она влилась в нашу компанию – просто блаженство общаться с такой красотой.

– Да, и с чувством юмора у нее все в порядке! – покачал головой Бьорн.

– О чем же вы говорили целый час? – спросил Палмер. – Меня разве что на двадцать минут хватает.

– А вы шутник! – улыбнулся мистер Эрикссон. – Мы расстроились, что вы так рано нас покинули.

– Думаю, я мало чего упустил, – пожал плечами Палмер. – Все же, о чем это вы говорили с моей супругой? Не открыла ли она вам какую-нибудь страшную тайну?

– Она все больше общалась с господином Дормером, нежели с нами, – ответил Бьорн. – Наверное, у них было множество интересных тем для интересного диалога. Осадок, который остался у него после поражения, еще не скоро забудется.

Палмер бросил взгляд на Дормера, сидящего за дальним столом. Тот кивнул ему и подмигнул, едко улыбнувшись.

– С погодой вам совершенно не повезло, – дополнил мистер Эрикссон. – Пурга сильнейшая. В такую метель мы здесь совершенно одни без шансов на спасение. Знаете, когда нет связи с большим миром, чувствуешь какое-то волнующее уединение. Это не страх, нет, это как будто кто-то водит ладошкой всего в миллиметре от твоей кожи, понимаете, о чем я?

Палмер оторвал взгляд от Дормера, который и не собирался отводить глаз, и ответил:

– У меня совершенно иные мысли на этот счет.

– Так поделитесь же! – воскликнул Бьорн.

– Я считаю, что это идеальное место для серийного убийцы, – тихо сказал он. – Ни тебе полиции, ни помощи. Стоит лишь взять инструмент поизысканней и начать приводить в жизнь тайные желания. Автоматическое оружие, бензопила? Нет, слишком банально. Я бы выбрал сварочный аппарат или огнемет – тут есть простор для фантазии. Люблю яркие представления. В Вегасе с этим проблем нет, а вот в подобном захолустье, где люди радуются каждой мелочи, совсем

печально.

Мистер Эрикссон побледнел, а Бьорн даже поперхнулся. Они переглянулись и со страхом в глазах уставились на Палмера, который как ни в чем не бывало продолжил пить кофе.

– Это я так шучу, – улыбнулся он. – И эти шутки не всегда могут быть поняты. На самом деле не представляю, что можно делать в этой дыре больше одной ночи. У меня нет иных чувств, кроме угнетения от холода и белизны вокруг. В тюрьме и то было веселее.

Ни Бьорн, ни мистер Эрикссон шутки не оценили. Они оба помрачнели и тут же умолкли. Послышались шаги, а затем в проходе показалась фигура господина Вильяма – самого престарелого джентльмена в этом отеле. Он был одет в тот же махровый халат, в те же массивные тапки, а на носу виднелись очки в золотой оправе. Старик двигался медленно, едва передвигая ногами, шаркая подошвами о мраморный пол. Постояльцы в один голос поздоровались с ним, Вильям поздоровался в ответ с каждым из присутствующих, называя всех по имени, в том числе и Палмера. Патрик помог ему спуститься и усадил его за свободный стол. Вильям заказал себе черный кофе, осмотрел зал и насупился, как обычно это делают люди, у которых что-то болит.

– Уважаемый сэр Вильям из Лондона, – горделиво заключил мистер Эрикссон. – Самый богатый человек, которого я когда-либо знал лично.

– Чем же он зарабатывает на жизнь? – спросил Палмер,

доедая тост.

– Крупный застройщик, владеет тысячами акров недвижимости от Лондона до Сингапура. Настоящий джентльмен и рыцарь, завсегдатай на званых ужинах королевы Великобритании. Именно он основал компанию «СтарсТрип Девелопмент» в далекие восьмидесятые.

– Они дружат с директором Варгинсом?

– Да, они старые товарищи, – подтвердил Бьорн.

Директор Варгинс прошелся по залу, заглядывая под столы, проверяя чистоту пола, посматривая на настенные бра. Остановился он возле стола, где сидел Палмер, какое-то время стоял, рассматривая его, а затем проговорил:

– Не стоит переживать из-за погоды, сэр. Здесь такое часто бывает.

Палмер утер салфеткой края губ, положил ее на тарелку, скрестил пальцы домиком и наморщил лоб, поглядывая прямо в глаза директору решительным взглядом.

– А я не из тех, кто склонен переживать, – выпалил он. – Снег так снег, что тут поделаешь?

– Вот и славно, – кивнул директор Варгинс. – Я знаю, как непросто новичкам оказаться в такой ситуации...

– Непросто, когда ты под ЛСД в Диснейленде с тремя детьми, – парировал Палмер. – А это ерунда, поверьте.

– Что ж, у каждого свои жизненные приоритеты, – улыбнулся Варгинс, – не буду мешать вашему разговору, господа.

– И тарелки заберите, – небрежно бросил Палмер. Дирек-

тор замер на какое-то время, не решаясь шелохнуться. – В чем проблема?

– Я – директор отеля «Монти Дад», а не официант, – с важностью сказал Варгинс.

– Вас тут всего три человека на весь пятизвездочный отель, – ответил Палмер. – И я не настроен сидеть за столом с грязной посудой. Так что при необходимости и унита-зы мыть будете.

Он кивнул в сторону тарелки с остатками завтрака. Варгинс бросил взгляд на мистера Эрикссона, затем молча взял тарелку и быстрым шагом удалился на кухню. Кажется, он что-то бурчал себе под нос, но Палмера это даже забавляло.

– Зачем вы так с ним? – насупил брови Бьорн. – Он очень уважаемый человек. Всегда придет на помощь, очень добрый. Он так любит это место и своих гостей. Мы все здесь как одна семья.

– У меня своя манера общения с обслуживающим персоналом, – развел руками Палмер. – А директор Варгинс – это и есть обслуживающий персонал. Уважаемые в этом месте могут быть только гости, благодаря которым он ест свой хлеб. К тому же, он бы выселил меня не глядя, если бы не помощь сэра Вильяма. Это ли не настоящая доброта – выселить людей на улицу в двадцатиградусный мороз? Каковы шансы пережить ночь в таком случае? Думаю, директору Варгинсу следовало бы провести эксперимент.

Мистер Эрикссон и Бьорн переглянулись. Палмер под-

нялся со стула и взял кружку с кофе.

– Простите, джентельмены, я чувствую необходимость поблагодарить своего спасителя за тот благородный жест, который он оказал мне при заселении в отель. Настоящий рыцарь, который без корысти совершил доброе дело, должен быть отблагодарен по-человечески.

Он прошел мимо стола, где сидел Дормер, на какое-то мгновение остановился, как будто задумавшись. Взгляды их снова пересеклись, но затем он снова продолжил путь. Дормер вернулся к чтению газеты трехдневной давности, которую вечером привез Патрик. Вильям не завтракал – он лишь пил кофе и глядел своими мутными серыми глазами на картину на стене. На ней были изображены небоскребы Нью-Йорка тридцатых годов. Строительные краны, суeta внизу, силуэт статуи Свободы вдалеке.

– Прекрасный город, – заключил Вильям, когда Палмер приблизился. – Прекрасные люди.

– Лучше Лондона? – спросил Палмер.

– Лучше Лондона нет ничего.

– Я хотел поблагодарить вас за щедрость, – он присел за стол к старику, не спросив разрешения. – Весьма благородно с вашей стороны оплатить мое проживание здесь. Недаром вы носите все эти титулы.

– Полно, – махнул рукой тот. – На моем месте вы поступили бы так же.

– Ну уж нет, – усмехнулся Палмер. – Я не привык платить

за людей, которых вижу впервые в жизни. Мы ведь не встречались раньше?

Вильям замер, отставил в сторону кружку с кофе, и принялся внимательно изучать своего собеседника. В глазах его на какое-то мгновение проскользнула тревога.

– Где же мы могли встретиться? – наконец вымолвил он. – Я старше вас лет на сорок, я живу в Великобритании, вы в Штатах.

– Мне ваше лицо сразу показалось знакомым, – не отступал Палмер. – Эти черты, этот акцент, взгляд...

– Я часто даю интервью, – пожал плечами старик. – Возможно, вы видели меня по «БиБиСи» или в одном из номеров «Форбс».

– Это вряд ли, – покачал головой Палмер. – Я не смотрю ТВ и не читаю «Форбс». Я богат не так давно, чтобы это вошло у меня в привычку.

– Смотрите, чтобы деньги не вскружили вам голову, – наставническим тоном проговорил Вильям, стараясь сменить тему разговора. – Мои родители были бедняками, первый фунт я заработал в десять, а первый миллион в сорок шесть. Сейчас у меня почти три миллиарда и еще в три раза больше активов в недвижимости и на рынке. И каждый фунт – это результат упорного труда, молодой человек. Я перенес два инфаркта, потерял жену, дважды был на грани банкротства, у меня была сотня врагов – от простых бандитов, до влиятельных финансовых воротил. Но я теперь здесь, у меня еще

есть порох в пороховницах, голова все еще соображает, да и фору я могу дать любому сопернику. Я все еще на ринге и пока не собираюсь вешать перчатки на гвоздь.

– Классическая история успеха! Прямо таки «Гражданин Кейн», – развел руками Палмер. – Конечно, не сравнится с моей.

– Поведайте же свою историю, раз уж мы тут в снежном плену и времени у нас на подобные беседы предостаточно, – ответил старик. – Мне будет интересно послушать, правда.

– Почти классика, как и у вас, – кивнул Палмер. – Папаша пил всю жизнь, мамка всю жизнь плакала, – начал Палмер. – Он помер, когда мне было лет двенадцать – попал под поезд по пьянке. С тех пор я жил на улице, среди черных и латиносов. Мы целыми днями ошивались по району в надежде чем-нибудь пожить. Кошелек с десятью баксами, велосипед или телек – все, что стоило хоть сколько-нибудь. Мы были охотниками, да, в такие времена – либо охота, либо голодная смерть. Тут уж не до моральных принципов. В шестнадцать я сел в тюрьму – сунул нож под ребро одному поганцу, который пристал к моей девушке, она, к слову, сейчас в клинике для наркоманов. Вышел я через семь месяцев. Сразу после тюрьмы умерла мама, говорят, наглоталась таблеток, и меня взял к себе на работу дядя Теодор. Он был богат, о да, к тому времени он был чертовски богат – настоящий воротила бизнеса, лицо успеха и, как бывает редко, порядочный человек. Сначала я работал в одном из его отелей в Остине, за-

тем он взял меня в свой офис в Калифорнии – я помогал с бумагами, вел кое-какие дела, и у меня неплохо получалось. Дядя быстро понял мою ценность – у меня была отменная память, я достаточно наглый и не трусливый. Да, я успел по-видать жизнь и хватался за нее, как будто тонущий беженец. Он все больше посвящал меня в свои дела, давал мне больше ответственности, подпускал к интересным делам. Позже он стал брать меня на закрытые совещания с юристами и бухгалтерами. К моим двадцати пяти годам он мог уехать в Индию или Непал и оставить компанию на меня, – Палмер ухмыльнулся. – Двадцать шесть отелей в тринадцати штатах – неплохое хозяйство. И вы знаете, господин Вильям, я справлялся отлично. Уже в двадцать восемь лет у меня был кабриолет, квартира на Манхэттене и приличный счет в банке. У меня – необразованного сидевшего мальчишки. Мои бывшие друзья сидели в тот момент в тюрьме или гнили в могилах, я же проводил воскресенья в Вегасе или на полях для гольфа. За что он так меня любил? Все просто – я никогда не врал ему, служил, будто преданный пес, и почти никогда не ошибался. Я был верным воином, защищающим тыл своего генерала. Вот в чем состояла моя ценность для предприятия мистера Теодора. За время моей работы в компании я сэкономил ему десятки миллионов, помог приобрести еще три отеля и оптимизировать систему управления. А потом его не стало – разбился на частном самолете вместе со своим партнером. Так сложились обстоятельства, что всем бизнесом за-

правляли именно они двое. Наследство поделили пополам – часть была отписана жене и детям его коллеги, с которым они вместе начинали. А вторая часть... Вторая часть досталась мне, потому что кроме меня у дяди Теодора никого не было. Уже после его смерти я узнал, что он был геем. Не любил женщин вовсе, я поначалу даже и подумать не мог, почему в его офисе одни мужики работают. Так я и стал человеком, у которого на счетах нарисовалась цифра с семью нолями. Сейчас мне тридцать, господин Вильям, я полон сил, у меня чистый разум, а память по-прежнему отменная. И да, я тоже на ринге, и готов к защите титула прямо сейчас.

– Занимательный рассказ, – кивнул старик, который все это время внимательно слушал. – Ваш дядя, должно быть, очень любил вас.

– Во все нет, – махнул рукой Палмер. – Просто я единственный, кто не угробит дело всей его жизни, и он прекрасно это понимал. Он мог оставить все любовникам из Индии. Мог найти более близкого родственника – таких много Миннесоте или Южной Дакоте, – Палмер отхлебнул кофе. – Наверное, неприятно общаться с такими, как я, верно? Мы, получившие богатство по случайности, какие-то неправильные. Незаслуженные богачи без манер, без образования, без титулов и должностей. Я не знаю, как правильно разделять лобстера, не цитирую Канта, часто бываю груб и прям. Признайтесь, что испытываете подобные чувства, общаясь со мной?

– Что вы, господин Палмер, – неприятно улыбнулся Вильям. – Для меня человек имеет ценность в первую очередь как личность, и совершенно не важно, сколько денег лежит у него на счету. Но прошу меня простить, разговор затянулся, а мне нужно принять лекарства, – старик медленно поднялся из-за стола.

– Конечно, конечно, – Палмер встал следом за ним. – И, да, я вспомнил, где мы могли встречаться, – внезапно заговорил он, когда Вильям уже повернулся в сторону выхода. Старик замер на месте и наострил слух. – Это было лет пять назад в офисе моего дяди в Калифорнии. Вы пили скотч, я проверял бумаги по сделке купли-продажи двух отелей в Манчестере. Это был полдень, и солнце светило ярко. «Что за чудный май в Сан-Франциско», – сказал тогда дядя Теодор. «Что за чудный город – Сан-Франциско», – ответили вы. «Лучше Лондона?» – спросил Теодор. «Лучше Лондона нет ничего», – ответили вы.

Палмер скрестил руки на груди и замолчал в ожидании. Вильям медленно повернулся. Его ястребиное лицо было грозным, как будто у старого хищника, все еще не утратившего хватку. Мрачный тяжелый взгляд, выражающий гнев и смятение одновременно, падал на Палмера исподлобья.

– Тот договор мы так и не подписали, смею напомнить, – вновь проговорил Палмер. – Слишком уж мутная была схема, особенно для человека, нареченного столькими титулами. Дядя очень хотел избавиться от этих отелей, но я его от-

говорил. Жаль, что вы не помните этого дня и дядю Теодора, но виной этому, скорее всего, служит ваш преклонный возраст. И да, я отговорил дядю от более чем сотни мутных сделок, несущих угрозу нашей фирме. Мы добавляли в черный список ненадежных партнеров, в который, к несчастью, попала и ваша компания. Что ж, я, наверное, утомил вас своими беседами и больше не смею вас задерживать.

Старик все так же стоял на месте, похожий на каменное изваяние, не в силах вымолвить и слова.

– Этот разговор еще не окончен, – наконец выпалил Вильям.

– Я сказал все, что хотел, – пожал плечами Палмер. – Не держите на меня зла, сэр Вильям. Помните, я лишь отребье. Но... – он замолчал, и Вильям снова наострил слух. – Хотя, впрочем, не важно.

Палмер же огляделся, остановив свой взгляд на единственном человеке в этом зале, с которым он еще не успел пообщаться утром. Это был Дормер. Мужчина сидел за столом, пил чай и внимательно читал газету, которую привез из города Патрик. Одет он был с иголки – дорогой клетчатый костюм, отглаженная рубашка, шелковый галстук. Борода его была аккуратно расчесана, волосы блестели от нанесенного геля. Палмер улыбнулся, проследовал к его столу, оставив Вильяма стоять в одиночестве.

– Кажется, я не давал разрешения на это, – не отрываясь от чтения, вымолвил Дормер, когда Палмер уселся рядом.

– Кажется, я его и не спрашивал, – пожал плечами Палмер.

Дормер отвел глаза от газеты, свернул ее и убрал в сторону. Лоб его был наморщен, всем видом он говорил, что компания Палмера ему неприятна. Патрик вел Вильяма под руку в сторону лестницы. Старик в очередной раз злобно покосился на Палмера.

– Знаете, я здесь первый год, в этом месте, – совершенно спокойным тоном сказал Дормер. – Я не понимал, за что ценится «Монти Дад» в кругах аристократов до того момента, пока сюда не прибыли вы. Своими хамскими манерами вы превращаете этот остров спокойствия и безмятежности в змеиное логово. Хотя я здесь и случайный гость, всем этим джентльменам я не позавидую. Вы можете издать пособие «Как за один день нажать дюжину врагов».

Палмер улыбнулся и кивнул.

– Уж я точно не аристократ, но выигрывать я умею, в отличие от вас, господин Дормер. К тому же я не считаю вас врагом. Вы – человек честный и говорите правду, чего нельзя сказать о всех этих напыщенных мужах. Я неприятен вам, о господи, да я неприятен почти всем, даже моей жене. Кстати, как она там?

– Что вы имеете в виду?

– Бросьте, я знаю, что она проводила ночь у вас, – махнул рукой Палмер. – Это нормальная практика для пары, которая поженилась в Вегасе после нескольких часов знаком-

ства. Я не против этого, зачем препятствовать? Тем более что мы разойдемся, как только адвокаты решат вопрос о разделе имущества. Богатому развестись гораздо сложнее, чем мужику, у которого имеется гараж да старый шевроле. Сейчас же нам просто скучно, и мы развлекаемся как можем.

– Странные вы люди, – покачал головой Дормер. – Чего вы хотите от жизни, господин Палмер? – вдруг спросил он, и в вопросе этом послышались нотки настоящего любопытства.

– Я хочу интересной игры, – ответил он.

– Поясните.

– Жизнь для меня – это игровое поле. Каждый день – продолжение партии. Каждый этап – новая игра. Каждая победа – очередное достижение. Каждое поражение – бесценный опыт. По-другому мне неинтересно, скучно. Смерть дяди изменила многое, ведь я даже подумывал о суициде всего лишь полгода назад. Знаете, почему? Потому что скучно! Сначала от скуки меня спасали женщины и алкоголь, потом азартные игры и наркотики. Но и этого было недостаточно. Скуку развеяли большие деньги и связи, свалившиеся на мою голову. Эти деньги существенно расширили игровое поле, открыли, так сказать, новые локации. Сейчас я углубился в дела фирмы, возглавляемой дядей Теодором, и понял, что жизнь – это весьма интересно. Банально, да, но самый сок в том, что, имея достаточные ресурсы, я могу менять правила игры, и я уже вкусил это чувство. Знаете, Дормер, я полюбил жизнь.

– Подход студента, который с головой окунается в обуче-

ние, а когда устраивается на работу, с печалью осознает, что вся теория совершенно отличается от того, что есть на самом деле, – ответил Дормер. – Самый яркий огонь быстрее всего тухнет.

– Чем вы зарабатываете на жизнь? – вдруг спросил Палмер, игнорируя высказывания собеседника. – Нет, серьезно. Вы настолько отличаетесь от всех этих снобов, что мне впервые здесь интересно узнать об этом.

– Я делаю свое дело хорошо. И за это получаю неплохие деньги. К тому же, удовлетворение есть не только в деньгах, но и в процессе, а это дорого стоит.

– Значит, вы тоже игрок?

– Разве это было не ясно еще вчера? Или мой долг в полмиллиона не говорит об этом?

– И все же для меня не совсем ясно, кто вы такой, – поморщился Палмер. – Вот, смотрите: мистер Эрикссон – он юрист, это понятно. Наверное, владелец юридического бюро или что-то вроде этого. Бьорн – бывший спортсмен, возможно, делает свой капитал на спорте или телевидении. Вильям – магнат в сфере недвижимости. Но кто вы, Дормер? Вы достаточно молоды, закрыты, азартны, но как будто озлоблены на что-то. У вас очень много комплексов. Чем вы все же занимаетесь?

– Простите, но я предпочитаю не разглашать эту информацию. К тому же, меня радует тот факт, что вы не удовлетворены результатами нашей беседы.

– Я узнаю в любом случае, – развел руками Палмер. – Алиса скажет мне, так или иначе. Думаю, вчера ночью вы долго рассказывали ей о своих достижениях. Знаю это, потому что этим занимался я сам, когда мы оказались в номере одного из отелей в Вегасе.

– Возможно, именно так и будет, а может и нет, кто знает? Вы же игрок, вот и играйте.

Палмер в ответ лишь ухмыльнулся.

– Кстати, – внезапно вставил Дормер. – Вы всегда играете по правилам?

– Не всегда, – ответил Палмер. – Если есть возможность их нарушить, я нарушаю.

Часть пятая

Белый плен

– Странный у тебя муж, – говорил Дормер, выпуская из ноздрей дым. На груди его рассыпались пепельные волосы Алисы. Голова ее поднималась при каждом его вздохе и опускалась при выдохе. – Я никак не могу его раскусить.

– Зачем тебе это? – спросила она. – Зачем кого-то раскусывать? Нужно просто жить и радоваться. Не поддавайся на провокацию. Палмер всегда хочет зацепить кого-то, разве не ясно? Разве ты не проиграл ему кучу денег?

– Я думаю, что он жульничал, – сказал Дормер. – Выиграл обманом, и это меня бесит даже больше, чем потеря пятисот тысяч.

– Как потерял, так и найдешь, – спокойно проговорила Алиса.

– Он знает, что мы спали, – внезапно вымолвил Дормер. – Меня удивило, что он совершенно не разозлился.

– Почему это должно было его разозлить?

– Вы ведь муж и жена, – пожал плечами он. – Вы приехали сюда вместе, живете вместе. Разве это нормально, что ты уходишь в номер к другому?

– Мы не испытываем чувств друг к другу, – ответила Алиса. – У нас так мало общего с ним, хотя я и уважаю его, ес-

ли быть честной. Он человек нестандартный, не такой, как многие. Он никогда не обращался со мной плохо, хотя порой я чувствовала себя невидимой. Уж не знаю, что лучше.

– А что общего у нас с тобой? – спросил Дормер.

– Возможно, у нас еще меньше общего. Почему мне знать?

Это ведь интрижка, каких бывает множество.

Она встала с кровати, подошла к окну и раскрыла плотные темные шторы. Комната наполнилась белым светом, который разрезал серые клубы дыма и парящие частички пыли. Дормер уселся на край кровати, разглядывая ее на фоне белизны за окном. Немолодая, но с хорошей фигурой – упругая грудь, живота почти нет, миловидное лицо. Алиса, абсолютно голая, без толики смущения смотрела в окно, пытаясь разглядеть хоть что-то среди плотной стены из белых хлопьев. Наверное, такое чувство возникает редко, лишь в моменты полной безмятежности, и Дормер это прекрасно осознавал. Он ценил каждую минуту, наслаждался мгновением, старался растянуть эти моменты.

– У меня было много мужчин, – вдруг сказала она. – Богатые, бедные, старые и молодые, спортсмены и профессора. Большой жизненный опыт, так сказать. Но сейчас я ловлю себя на мысли, что если бы мне дали шанс быть только с тобой и забыть все, что было раньше, я бы непременно этим шансом воспользовалась. Я чувствую, что есть мост, который переведет нас с простой интрижки к чему-то настоящему.

– И у кого нужно спрашивать разрешения на этот шанс?

– Как минимум у тебя, – она рассмеялась и бросилась к нему в объятия.

Он выронил сигарету на простыню, ойкнул, подскочил и тут же затушил дымящийся окуроч, успевший прожечь простыню.

– Черт, теперь придется заплатить за это, – покачал головой он.

– Не думаю, что тебе нужна такая, как я, – встала Алиса, как будто ничего не произошло. – Ты весь такой размеренный, степенный, все у тебя расписано по минутам, распланировано. Прежде чем что-то сделать, подумаешь семь раз. Скрытный, мать твою! Бесишь, честное слово, но это даже возбуждает. Вдруг ты какой-нибудь маньяк? Или еще чего хуже?

Он улыбнулся, достал из пачки очередную сигарету, и комната вновь наполнилась дымом.

– Возможно, я жил неправильно, – вымолвил Дормер. – Возможно, я однажды выбрал не тот путь. Я осознаю это теперь. Эта поездка изменила мое сознание.

– Так ты расскажешь про себя? – усевшись напротив, спросила Алиса. – Все-таки ты побывал во всех моих местах, где только можно было. Даже Палмер не забирался так далеко. Пора уже и мне что-то узнать.

Он медленно поднялся с кровати, подошел к окну и затушил сигарету в пепельнице. Затем, натянув трусы, Дормер

прошелся по комнате, как будто актер театра, репетирующий про себя роль. Он был строен, подтянут. На плече и спине виднелись мелкие шрамы. Мышцы его были тверды, осанка пряма, в свете лучей проявлялись кубики пресса. Да, он выглядел опасным, но в то же время казался надежным.

– Я сотрудник английских спецслужб, – тут же ответил он. – Здесь я оказался не случайно, у меня задание.

Алиса с подозрением оглядела Дормера, наморщила лоб.

– Это шутка такая? – спросила она. – Ты служишь Британской короне?

– Я говорю серьезно, – ответил он. – Я агент контрразведки Великобритании, присланный в вашу страну с заданием.

– И что это за задание? – улыбнулась она, как будто сомневаясь в сказанном.

– Не могу ответить, – развел руками Дормер. – Однако тот факт, что я раскрылся тебе, говорит о многом. За это я могу попрощаться с жизнью.

– О чем же это говорит?

– Я готов поменять свою жизнь. Поменять прямо сейчас. Мы можем исчезнуть где-нибудь на краю земли. Давай уедем вдвоем, в Таиланд или в Новую Зеландию? Я брошу все, к черту брошу. Моя размеренная жизнь убивает меня, ты полностью права. Я всю жизнь скрываюсь, всю жизнь делаю то, от чего меня тошнит. Я прошел полную подготовку, я умею убивать, я умею подслушивать и подсматривать, выслеживать и искать. Но я умею и скрываться. Меня тошнит от всего

этого. Честное слово, меня уже тошнит от всего этого, Алиса. Держусь из последних сил.

Он достал из пачки очередную сигарету и подкурил.

– Неужели это я тебя так взбаламутила? – испуганно спросила Алиса. – Мы знакомы-то пару дней.

– Знаешь, не хочу тебя обидеть, но это была не ты, – пожал плечами Дормер. – Это Палмер всему виной. Да, я смотрю на него, и меня прямо распирает. С одной стороны, от ненависти к нему – простой неудачник, на голову которого свалилось богатство. Плюс еще этот проигрыш... Наверное, на каком-то подсознательном уровне я его ненавижу за это. С другой стороны... Этот засранец мотивирует меня. Трудно признаться, но он мне нравится. Я проиграл ему, а значит, он лучше меня, черт возьми. Неудачник лучше меня, тогда кто я сам?

– Да уж, – покачала головой Алиса. – Странные вы, мужчины. Порой напоминаете мне самцов каких-нибудь павианов. Палмер тот еще хитрец. Не ты один так реагируешь на его выходки.

– Хитрец? – прыснул Дормер. – Я – сотрудник спецслужб! Я убивал людей, я выполнял задания, от которых зависела судьба моей страны. Господи, ты говоришь, что он хитрец?

– И все-таки он не так прост, как может показаться, – встала она. – Он прирожденный провокатор, никто не знает, что у него на уме. Он складно говорит, но думает совсем иначе. Даже его дядя Теодор знал это. Он знакомил племянни-

ка с такими значимыми людьми, что трудно поверить. Дядя знал, что тот однажды станет богаче его самого. Вот какой он, мой муж.

– Мне не хочется, чтобы ты все время нас сравнивала, – сказал Дормер. – Нет, я не обижаюсь, и вы женаты все-таки, но я бы не хотел всех этих сравнений, понимаешь? Ведь я и сам все время сравниваю нас в голове, и от этого мне хочется просто придушить его. Я никогда не буду таким, как он. Но и он не станет мной.

– Конечно, я все понимаю, – улыбнулась Алиса и мечтательно закатила глаза. – Мы и вправду могли бы уехать куда-нибудь. Знаешь, я вот подумала о том, что мы могли бы купить дом где-нибудь в южной стране. Купались бы в бассейне, пили коктейли, курили, веселились бы. Возможно, детей завели бы... Весьма даже заманчиво.

– Для такой жизни нужны деньги, – сказал Дормер. – Моих сбережений при таком размахе едва хватит на пару месяцев. У меня и полмиллиона-то нет, чтобы долг отдать. Да, я тут треплюсь про настоящего джентльмена, а сам не в состоянии вернуть свой проигрыш.

– Палмер должен мне приличную сумму, – невозмутимо ответила Алиса. – Мы поженились за день до того, как имущество его покойного дяди было оформлено надлежащим образом, так что ровно половина от всех его богатств официально моя. Неплохо, когда знаешь наизусть несколько песен «Металлики», верно?

– Да уж, – усмехнулся Дормер. – Думаешь, он позволит тебе забрать свою часть?

– Мы часто обсуждаем условия раздела. Неделю назад он предлагал мне двадцать миллионов наличными и по тридцать тысяч каждый месяц в течение десяти лет.

– Неплохие условия, – покачал головой Дормер.

– Неплохие, – кивнула Алиса. – Но не идеальные. Я согласилась на шесть отелей. Это куда более перспективная сделка для меня. Даже мой юрист сказал то же самое.

– И что же он?

– Привез меня сюда, – пожал плечами она. – Обдумывает действия, хочет снизить стоимость своей ошибки в Вегасе. Что ж, я не сделаю ни шагу назад, пока не будут удовлетворены мои условия. В конце концов, это моя жизнь, и такой шанс выпадает нечасто.

– Это не злит его?

– Конечно, нет, – рассмеялась она. – Это его забавляет! Он тащится с каждого вызова, чертов псих! Кайф получает от того, что в один миг может потерять половину своего состояния.

Дормер задумался на какое-то время, уставился в окно и замолчал.

– Знаешь, – после паузы сказал он. – Мы ведь можем забрать себе все.

– Что ты имеешь в виду? – насупилась Алиса.

– Мы можем стать обладателями всего состояния Палме-

ра.

– Каким образом?

– Я убью его, – хладнокровно ответил Дормер. – Это идеальное место, лучше и не придумаешь. Никаких свидетелей, никаких доказательств. Избавлюсь от него, и ты завладеешь многомиллионным состоянием. Мы поженимся и воплотим мечту в реальность, как тебе?

Алиса замерла. На лице читался испуг, который медленно переходил в какой-то таинственный интерес. Вероятно, картина трупa мужа в голове сменялась цифрами с банковских счетов и счастливой жизнью на каком-нибудь острове.

– Ты реально на это пойдешь? – спросила она.

– Я лишал людей жизни и без столь внушительного гоноара, – ответил Дормер. – У меня есть план, как это сделать. Но я должен быть уверен, что ты готова к этому. Если ты скажешь, мы забудем про эту идею и притворимся, что все сказанное ранее было лишь проделками нашего воображения.

– Я бы хотела для начала поговорить с Палмером, – сказала Алиса.

– О чем вам говорить?

– От его ответов будет зависеть его собственная судьба. Сейчас я представила это, и у меня по коже пробежали мурашки. Как же это приятно – чувствовать власть над чьей-то жизнью.

– Даже не знаю, что меня пугает больше: мое желание убивать ради тебя, или та легкость, с которой ты готова к убий-

ству собственного мужа. У меня складывается впечатление, что это все часть сна, в котором мы сейчас с тобой вдвоем.

– Ты не первый, кто мне это говорит, – улыбнулась Алиса. – А теперь представь, насколько богатыми мы можем быть, сделав всего один шаг.

Часть шестая

Джокер

К вечеру метель резко усилилась. Палмер стоял на крыльце у главного входа в отель «Монти Дад» и всматривался вдаль, где вырисовывалось искаженное изображение подъемника, ведущего к подножию горы. Это был единственный способ покинуть это место, но теперь и он стал недоступен – канаты заледенели, кабинки намертво замерзли и болтались, вздрагивающие от порывов ветра. Холодный пар вырывался у него изо рта вместе с запахом дорогого виски. Уже зажглись вечерние фонари, подсвечивающие старое здание, а в холл стали медленно спускаться постояльцы, чтобы начать очередной вечер. Все повторялось вновь и вновь, как будто пластинка в граммофоне заканчивала свою игру, но кто-то снова возвращал иглу на место.

– Тихо здесь, – послышался голос со спины, и Палмер улыбнулся. Это был Дормер, облаченный в ярко-желтый лыжный костюм. Суровый и решительный голос разбавляли едва проскальзывающие нотки нервозности.

– Я хотел прогуляться, – ответил Палмер. – Говорят, здесь есть обрыв, с которого открывается чудный вид. Пока тьма совсем не заволокла местность, не хотите составить компанию?

Дормер сделал паузу.

– С удовольствием, – наконец выпалил он.

Ветер не давал двигаться спокойно, то и дело налетая резкими порывами, но мужчины упорно шли вперед и даже успевали перекинуться некоторыми фразами. Палмер, словно первопроходец, двигался впереди, расчищая путь к цели, Дормер двигался по его следам, прикрывая лицо ладонью от порций мокрого снега.

– Когда планируете отъезд? – вдруг спросил Палмер. Он говорил громко, но до собеседника долетали лишь обрывки фраз.

– Как распогодится, – ответил Дормер. – Разве может кто-либо здесь решать такие вопросы? Мы в плену стихии, и лишь она одна диктует нам правила.

– Как романтично, – закатил глаза Палмер, – кстати, о романтике – как вам моя жена? Уже полюбили ее?

Дормер остановился. Палмер замедлил ход, услышав, что шаги за спиной прекратились.

– Пойдемте, – сказал он. – Тут немного осталось.

Они вышли на небольшую площадку, занесенную снегом. Окружал ее десяток облупившихся балясин, кое-где треснувших. Только лишь они были преградой между равниной и отвесным обрывом, уходившим далеко вниз, в неизвестность. Видимость была плохая, но бесконечная глубина ощущалась даже отсюда.

– Наверное, в хорошую погоду здесь открывается чудный

вид, – проговорил Палмер, стараясь усмотреть вдали нечто величественное.

– Не могу этого утверждать, но и спорить не имею права, – сухо ответил Дормер. – Интересно, если здесь случится что-то плохое, как быстро отреагируют спасатели?

– Думаю, никак, – спокойно ответил Палмер. – Сюда приезжают, не задумываясь об этом, и полиция, да и спасатели прекрасно это понимают. Это место хранит много тайн. Так что там Алиса? Сумела пробудить в вас чувства?

– Я предпочел бы не разговаривать об этом, – сухо ответил Дормер. – По крайней мере, с ее супругом.

– Здесь больше нет людей, с которыми можно поговорить на эту тему, – развел руками Палмер. – Но воля ваша.

Дормер молчал, глядя на Палмера исподлобья. Кулаки его были сжаты, желваки на щеках судорожно играли. Он дышал носом, и даже сквозь пронзающий ветер было слышно сопение его ноздрей.

– Знаете, перед ответственными моментами люди все одинаковые, – проговорил Палмер помедлив. – В непринужденной обстановке, в безопасности все играют свои роли. Уверенные в себе, вовсе не такие, какие они есть на самом деле. Но вот накануне, прямо перед самым ответственным делом, они открывают свою суть. И вот в чем интерес – вы все одинаковые. Все вы – сплошное разочарование, сплошное клише, мать вашу! Играть с вами неинтересно, слишком скучно. И я жалею сейчас вам, потому что отдал бы много

за соперника, который стоит хотя бы чего-то. Но нет, господин Дормер. Вы возомнили себя игроком, но вы – это лишь обычная карта, которую может побить карта более высокой масти.

Дормер усмехнулся.

– А вы, господин Палмер, должно быть, козырный туз?

– О, нет, – покачал головой Палмер. – Вы снова ошиблись. Я – джокер, ни много ни мало. У меня в рукаве всегда есть то, чем я могу побить врага, даже если тот начал заранее праздновать победу. Кстати, так было, когда мы играли на бильярде. Вы начали праздновать еще до того, как победили, знаете, как велосипедист, поднимающий руки до заветной ленты. Но вдруг что-то идет не так, и велосипедист падает, его обьезжают остальные. Вперед вырываются даже самые слабые соперники, навыки которых не годятся чемпиону в подметки. Сам же чемпион довольствуется последним местом и вечным позором. Давайте снимем маски и сыграем в открытую, Дормер. Я говорил с Алисой, и мне стало многое ясно. Прежде чем вы решитесь совершить ошибку, к которой вас подтолкнула моя жена, я бы хотел, чтобы вы прочитали это.

Дормер замер и внимательно уставился на Палмера. Тот засунул руку во внутренний карман куртки и извлек оттуда конверт.

– Что это? – удивленно спросил Дормер.

– Здесь копии двух документов, – ответил Палмер. – Первый – это мое завещание, в котором говорится, что в случае

моей внезапной смерти все мое имущество и счета уходят в траст, а далее становятся собственностью президента Соединенных Штатов Америки. Такая шутка, знаете ли. Но я буду рад, если президент после моей смерти станет немного богаче. Второй – это письмо в службу 911, полицию штата и на три федеральных телеканала, где говорится, что если я не выйду на связь в течение трех дней, в пропаже моей следует винить людей, с которыми я проводил эти дни. Список людей с полными данными я отправил в СМС моему юристу. Не спрашивайте, откуда у меня эти данные, я проделал тут большую работу. Связь здесь не ловит, но СМС рано или поздно дойдет до адресата, когда телефон попадет в зону действия сети. Поэтому я спешу вас разочаровать, ведь в убийстве моем нет никакого проку, хотя, если вами движет инстинкт соперничества, прошу с этим не медлить. Смею отметить, что в этом случае удовлетворение вы вряд ли получите.

Дормер разорвал конверт и два раза перечитал содержимое писем. Всем письмам был присвоен номер, а подтверждены они были нотариальной печатью.

– Неужели вы настолько примитивны, что поддались на провокации женщины? – спросил Палмер. – Вы ведь едва знакомы. Не думаю, что благоразумно ставить крест на своей жизни ради сомнительной наживы. Я сейчас не пытаюсь вас уколоть. Мною движет лишь любопытство.

– Инициатором был я, – ответил Дормер.

– Это вряд ли, – покачал головой Палмер. – Вам так лишь кажется. Вы заглотили наживку, почуяв куша. Но куша здесь нет и не предвидится. По крайней мере, не в моем случае.

– Ловкий ход, – выдавил Дормер. – И что дальше?

– Дальше, как водится, у меня есть для вас более выгодное предложение, – ответил Палмер. – На горизонте снова появляется заветный куш!

– О, только не думайте, что я поведусь на ваши песни, – развел руками Дормер. – Доверять вам – значит продать душу самому дьяволу.

– Не переживайте, вы продали ее, когда прыгнули в постель к Алисе, – улыбнулся Палмер. – Так же как и я, впрочем, когда-то. Сейчас вы идете по дороге, которую протоптал я, а до меня еще с десятков таких же авантюристов. Но вот в чем суть дела – вы вместе с Алисой решили, что, убив меня, вам достанется все богатство. К вашему сожалению, это вовсе не так. Богатство досталось бы лишь Алисе, не предприми я несколько шагов за пару дней до поездки сюда. А вы – вы лишь годитесь на роль убийцы и персоны, которая будет отвечать перед законом и Богом, если угодно. Вы для нее – это руки, которые нажмут на спусковой крючок, а потом избавятся от трупа. Как быстро вы бы надоели друг другу? Какие гарантии, что, разозлившись однажды или разочаровавшись, она просто не соберет вещи и не уедет, как делала много раз? Или почему бы ей не использовать свое влияние, которое она получит благодаря моим деньгам, чтобы

избавиться от вас в будущем? Нет, друг мой, в деле, где замешаны большие деньги, на доверии и обещаниях долго не протянешь. Поэтому, возвращаясь к нашему разговору, я не прошу вашего доверия, я предлагаю партнерство.

– Избавьте меня от этого, – покачал головой Дормер. – Я сыт по горло необдуманными поступками. Этими письмами вы защитили себя от смерти, но не зареклись союзом со мной. Так что не нужно бравировать, господин Палмер, на меня ваши чары не подействуют.

– Что ж, – пожал плечами Палмер, – тогда оставайтесь лишь пешкой в этой игре. Я разглядел в вас человека, который жаждет играть по-крупному. Но если не рисковать, всегда будешь довольствоваться крошками со стола. – Палмер сделал паузу. – Но, если позволите, я хотел бы дать пару рекомендаций, прежде чем мы расстанемся.

Дормер молчал, с презрением глядя на собеседника.

– Первое, – поднял палец Палмер. – Единственный здесь человек, который может вас обогатить – это я. Держите эту мысль у себя в голове, раз уж вы оказались столь охочим до денег. Второе – я буду благодарен за любую помощь в любое время. И это пускай остается у вас в голове и днем, и ночью. И третье – не обязательно меня любить, чтобы сотрудничать. Я тоже не в восторге от вас, но всегда готов поработать вместе. Это первое правило бизнеса, и пускай оно поможет вам в будущем. Пожалуйста, подумайте на досуге об этом разговоре, взвесьте все как следует и присмотритесь к тем, с кем

вы проводите время. Оказавшись здесь, мы вынуждены принимать чью-то сторону, а ведь война еще даже не началась. Настоящий бизнесмен должен обладать гибкостью, господин Дормер. Удачи!

Палмер развернулся и направился в сторону отеля. Уши и руки уже порядком замерзли, даже ноги теперь сводило от холода. Тьма уже практически завладела округой, и теперь он то и дело спотыкался обо что-то и даже пару раз поскользнулся. Добравшись до отеля, Палмер напрямик направился в бар, скинув на кресло куртку. За ним тянулся мокрый след от сапог и холод. Он потер раскрасневшиеся руки и заказал виски.

В холле уже собралась обычная публика – и директор Варгинс за стойкой регистрации, и мистер Эрикссон со своим другом Бьорном у бара, и старик Вильям, восседающий на своем привычном месте у камина. Алиса, завидев мужа, удивленно насупилась, но смогла выдавить улыбку. Палмер подмигнул ей, опрокинул стакан и попросил еще.

– Мистер Эрикссон, – обратился он к старику, – я пью за ваш счет уже второй вечер. У нас ведь все в силе?

– О, сколько вам будет угодно, – кивнул тот и поднял бокал.

– Сэр Вильям, – проговорил Палмер, но старик не реагировал. – За ваш счет я здесь живу и я благодарен за эту возможность.

Ответа не последовало. Старик отрешенно смотрел в пла-

мя, делая вид, что Палмера здесь вовсе нет.

– Где же вы были, господин Палмер? – с натянутой улыбкой спросил мистер Эрикссон. – Погода нынче совсем не для прогулок.

– Мы прекрасно побеседовали с господином Дормером у обрыва, – ответил он. – А вот и сам он.

Центральная дверь отворилась, и в холле возникла фигура Дормера. Он молча оглядел присутствующих, остановил взгляд на Алисе, а затем быстро направился наверх, отбросив всякие формальности.

– Сегодня не будет бильярда? – пошутил Бьорн, когда Дормер удалился. Мистер Эрикссон хихикнул. – Что ж, раз у нас появился новый слушатель, хочу напомнить, что мистер Эрикссон рассказывает историю из своей молодости.

– Кхм, – кашлянул тот. – Да, я как раз говорил о том, что когда мне было шестнадцать лет, мы с мамой переехали в Квинс. Тогда я еще и понятия не имел, как следует себя вести в подобных районах. Однажды мне пришлось столкнуться с тремя подростками, которые выслеживали меня каждый день, когда я возвращался из школы. В один день они напали на меня и потребовали все мои карманные деньги. Мне пришлось отдать им все, что я имел, и, знаете, это сильно задело меня. Матери я ничего говорить не стал. Я лишь подошел к другим подросткам – они были постарше нас на пару лет, и предложил им в два раза больше денег за то, что они проучат моих обидчиков, и те, конечно, согласились. Мне никогда не

было так весело смотреть, как бьют тех, кто обидел меня. Да, именно с тех пор я понял, что не сила решает в этом мире, а мозги.

– Превосходная история! – воскликнул Бьорн. – И вы уложились в десять предложений, как мы и условились. Кто следующий?

– Я расскажу, – подал голос Варгинс, и все взгляды устремились на директора. – Однажды здесь умер человек, – начал он. Гул тут же утих. – Прямо тут, в холле. Это был господин Милтон, очень состоятельный промышленник из Техаса. Как ни пытались мы откачать его, все не выходило. За окном была пурга пуще теперешней, связи, как водится, не было, и нам ничего не оставалось, кроме как ждать, когда распогодится. Патрик выделил номер для бедолаги, мы отключили там отопление, чтобы труп не разлагался, открыли окна. Так он и пролежал там две недели. Трагичная история, но суть ее вот в чем – здесь, в «Монти Дад», может произойти что угодно, и рассчитывать мы можем только на собственные силы. И, кстати, пролежал бедолага Милтон в номере два ноль семь, где теперь гостит достопочтенный господин Палмер.

– Не слишком ли мрачно для начала вечера, господин Варгинс? – спросил Бьорн, переводя неловкий взгляд на Палмера. – Впрочем, ограничений на содержание историй у нас нет. Есть еще желающие?

– Есть, – ответил Палмер и поставил на барную стойку

пустой стакан. – Налей мне еще виски, – обратился он к бармену. – Это совсем свежая история, но весьма захватывающая. Как-то английский воротила, юрист, телохранитель и лобби-бой решили заманить в ловушку одного, как им казалось, недалекого, но богатого мальчишку. Сделали они это с целью заговора, наняли пособников и подгадали все так, что юноша оказался с ними в одном помещении, выбраться откуда не представлялось возможным ни им самим, ни, конечно же, жертве. Цель этой авантюры была одна – поделить богатство паренька и разъехаться по домам. Они казались себе такими умными и тактичными, что не переставали нахваливаться друг друга и восхищаться планом, который разработали наперед – были продуманы все детали, все шаги, тактика отшлифована до идеала. Они просчитали все – погодные условия, подделали документы, придумали легенды. Идеальная операция в идеальном месте, – Палмер сделал паузу и оглядел собравшихся. – Сколько еще предложений у меня есть?

– Э, еще четыре, кажется, – недоуменно проговорил Бьорн.

– Мне этого хватит, – кивнул Палмер. – Так вот, все эти авантюристы, а скорее всего их смело можно назвать преступниками, не подозревали, что это не юноша оказался в их ловушке, а наоборот. Все они оказались в этом месте лишь потому, что так захотел наш главный герой. И как бы они ни убеждали себя в идеальности своего плана, они играли под его дудку, – он снова остановился. – У меня осталось одно

предложение, но в моем рассказе только-только появляется завязка. Что ж, правила есть правила. Уже заканчиваю. Итак, когда юноша покидал место после того как наладилась погода, его провожали все четверо заговорщиков, правда их замерзшие безжизненные тела не могли разговаривать, но он не любил долгие прощания. Конец.

Палмер оглядел публику и проговорил:

– Прекрасный виски у вас!

– Кхм, – смущенно выдавил из себя мистер Эрикссон. – Одна история мрачнее другой.

– Все истории основаны на реальных событиях, – закурил сигару Палмер. – Ну, конечно же, каждый из нас, рассказчиков, добавил в эти рассказы что-то от себя.

– Мне показалось, или вы на что-то намекаете, господин Палмер? – спросил Вильям, основательно впившись едким взглядом прямо в глаза.

– О, что вы, господин Вильям, я лишь хотел раззадорить вас и немного пошутить, – развел руками Палмер. – Разве этот вечер не провоцирует на хорошее настроение? Или мой рассказ чем-то хуже других?

Алиса хмыкнула и покинула холл отеля, направившись вверх по лестнице. Мистер Эрикссон и Бьорн переглянулись в негодовании. Вильям и Варгинс сидели в негодовании.

– Что ж, – улыбнулся Палмер. – Мы остались в мужской компании, так давайте сыграем в бридж! Начать предлагаю со ста долларов.

Часть седьмая

Смерть раз-два

Ночь была тихой и черной. Палмер сквозь дремоту чувствовал давящую тишину всем телом. Алиса спала рядом как всегда беспробудным сном, и он ей даже завидовал, ведь за всю свою жизнь он не помнил ночей, когда ему не приходилось просыпаться. Часы с кукушкой мирно отбивали такт, буря за окном окончательно стихла, уступая место звездному небу и полной яркой луне. В дверь кто-то постучал – тихо, едва-едва касаясь пальцами поверхности, как будто не желая, чтобы в номере услышали этот стук, но в то же время проверяя, крепко ли спит гость. Стук снова повторился через какое-то время, но Палмер не реагировал, лишь открыл глаза, рассматривая, как на потолке мигает красным огоньком пожарная сигнализация. Ручка на двери тихо щелкнула, и в комнату проник легкий свет из коридора. Шагов слышно почти не было, громоздкая фигура передвигалась тихо, отбрасывая только бесформенную тень. Палмер не шевелился. Фигура приблизилась к кровати, и во мраке стала различима рука, заносящая какой-то острый предмет над лежащими гостями. Палмер наблюдал – выдержанно, затаив дыхание, как будто при просмотре захватывающего кино. Рука с ножом резко опустилась вниз, вторая рука одновременно прикры-

ла рот спящей Алисе. Донесся едва слышимый возглас, заглушаемый громадной ладонью в кожаной перчатке. Наверное, ее крик мог донестись до ближайшего города, но теперь он лишь утопал, заглушаемый уверенным движением. Рука с ножом еще четыре или пять раз опустилась в район живота, проделывая молниеносные движения с мастерством настоящего профессионала. Когда она перестала сопротивляться, незнакомец замер, переводя дух. Палмер почувствовал, как теплая кровь обволакивает его спину. Только теперь он позволил себе привстать и уставиться на незнакомца, медленно переводя взгляд на безжизненное тело своей жены. Лицо ее было искажено гримасой страха, прорывающейся сквозь полуночную мглу. Ночная рубашка стала красной от крови, сочащейся из ран, которые не оставляли шансов на жизнь. Палмер включил ночник, протер глаза и проговорил:

– Жалко мне вас, господин Бьорн. Всегда испытывал жалость к людям, выступающим в роли инструмента. Жалко потому, что природа обделила вас интеллектом, но даровала здоровье, которое только и позволяет, что быть исполнителем воли более умных персон. Хотя, возможно, вы счастливее меня, раз уж не осознаете этого.

– Мне наплевать на ваше мнение, – ответил тот, стягивая с лица лыжную маску, за которой красовалась некогда дружелюбная физиономия норвежца. – Но я не могу не восхищаться вашим спокойствием, особенно в преддверии собственной кончины.

– Это спокойствие продиктовано тем, что я на несколько шагов впереди, – пожал плечами Палмер. – Даже теперь и даже завтра утром я буду впереди, разве это не ясно? Разве это так сложно понять? К сожалению, вы не вняли моим словам сегодня вечером и не прислушались ни к чему, что я говорил за все время, проведенное в «Монти Дад». Все эти разговоры были не пустыми словами.

– Тогда не будем лишний раз разбрасываться ими, – выпалил Бьорн, – и закончим все немедленно!

Он обошел не спеша кровать, пристально глядя на Палмера, который даже не удосужился подняться с кровати.

– Стоять! – послышался голос из прохода, в котором возникла фигура в костюме. Бьорн замер на месте с испугом на лице. Он поднял руки вверх, бросая неуверенный взгляд то на Палмера, то на человека в проходе. На него был направлен пистолет с глушителем, дуло которого смотрело прямо в сердце. Дормер мельком взглянул на тело Алисы, на какое-то мгновение на лице его отразилась вся ярость и боль от увиденного. Он исподлобья посмотрел на Бьорна, готовый нажать на спусковой крючок.

– Господин Дормер, – только и смог вымолвить Бьорн, отступая к окну.

– А на большее не хватило извилин, – поэтично пропел Палмер. – Поэтому вы и есть инструмент, ибо ничего кроме как «господин Дормер» вы придумать не в силах. Что ж, теперь у вас есть выбор, – он повернулся в сторону Дормера, –

застрелить убийцу женщины, к которой вы испытывали чувства, или дать ему убить мужчину, которого вы ненавидите. Это я и называю настоящей игрой. И такая игра стоит того, чтобы умереть.

– Я могу воплотить в жизнь оба этих пункта, – холодно проговорил Дормер, держа Бьорна на прицеле.

– Но не сделаете этого, – ответил Палмер. – Во-первых, потому что знаете, что станете богатым, если я останусь жив. Именно поэтому вы оказались здесь столь внезапно, и я рад, что вы прислушались ко мне там, на краю обрыва. В противном случае мне пришлось бы задействовать план «Б», а он куда более жестокий. Во-вторых, потому что вам дико интересно, что здесь происходит, как всякому человеку, охочему до острых ощущений.

– Как минимум одного урода я сегодня прикончу, – отрезал Дормер.

– Я готов на все! – вдруг выкрикнул Бьорн и отбросил в сторону нож, поднимая руки. – Нет надобности убивать меня, я самый скромный из тех воротил, что здесь собрались. Мне многого не нужно, оставьте мне жизнь, и я исчезну, клянусь богом! Я уже давно пожалел, что пошел на это.

Дормер бросил взгляд на Палмера, ожидая от него комментария.

– Возможно, он пригодится в будущем, – проговорил тот. – Он и вправду лишь пешка, не стоящая того, чтобы брать на душу очередное убийство.

Дормер засунул руку во внутренний карман пиджака, достал оттуда наручники и бросил их Бьорну.

– Пристегни себя к спинке кровати, – повелительно сказал он. – Если я хотя бы заподозрю что-то неладное с твоей стороны, убью на месте. Лучше считай себя мертвым, потому что тебя от этого статуса отделяет лишь один шаг. Как только мы со всем разберемся, я решу, что с тобой делать.

Бьорн послушно выполнил приказ, быстрым движением сковав свою огромную ручищу сталью, и кивнул Дормеру, а заодно поблагодарил и Палмера, который решил его судьбу.

– Никакого подвоха, – кивал Бьорн. – Я не подведу.

– Что теперь? – развел руками Палмер. – Как я понимаю, вы все-таки прислушались ко мне. Иначе ваше появление можно назвать чудом, а в чудеса я не верю.

– Я много думал о сказанном, – ответил Дормер. – Думал об Алисе, анализировал наш с ней разговор после того, как мне не удалось избавиться от вас.

– Дайте угадаю, вы увидели разочарование в ее глазах? – спросил Палмер и снова бросил взгляд на Алису. – Да, я сам с этим сталкивался не раз. Я и сам с ней беседовал, и она мне поведала обо всем, что происходило между вами. Вот ведь женщина – работала на обе стороны, но не сжигала мостов. Она довольно охотно рассказала о том, чем вы занимаетесь, и меня, признаться, это впечатлило. Такой героический образ – настоящий рыцарь, несущий знамя справедливости. После того как я узнал, что вы – сотрудник англий-

ской контрразведки, я многое понял.

– Что именно, господин Палмер?

– Позвольте мне сказать все, что я думаю, не здесь, – пожал плечами Палмер. – Там внизу ожидают джентльмены. Они ждут, когда к ним спустится господин Бьорн и доложит о том, что я и моя супруга мертвы. После этого они планируют отпраздновать свою операцию, а завтра, если позволит погода, все они разъедутся по своим городам с чувством яркой победы. Давайте же внесем небольшие изменения в их игру? К тому же заставлять ждать столь почтенных персон – это ведь проявление хамства.

– Для начала я хотел бы договориться об условиях, – продолжая направлять пистолет на Палмера, сказал Дормер. – Об условиях нашего сотрудничества. Ведь я оказался тут не случайно, и вы, вероятно, так все и рассчитывали. Что ж, теперь настало время платить по счетам.

– Чего вы хотите?

– Десять отелей, гражданство США с новым паспортом, два миллиона наличными, – вымолвил Дормер.

Палмер улыбнулся.

– Вы напоминаете мне жену. Требования четкие, но слишком фантастические.

– Я убью вас прямо сейчас, если вы не исполните эти требования, – сухо проговорил Дормер. – Если Алиса про меня рассказывала, значит, вы должны знать, на что я способен.

– Что ж, как только мы попадем в Нью-Йорк, я займусь

документами, – нехотя проговорил Палмер. – Думаю, что в течение трех недель ваше желание исполнится.

– Вы держите меня за дурака? – усмехнулся Дормер. Он бросил на журнальный столик бумаги. – Подпишите прямо сейчас и сохраните себе жизнь.

– Такой подход мне нравится, – кивнул Палмер. Он встал с кровати, взял ручку, беглым взглядом прошелся по документам и поставил свою подпись. – Готово. Теперь мы партнеры.

Дормер забрал документы, удостоверился в подлинности подписи и убрал их внутрь пиджака.

– Это было больно, – развел руками Палмер. – Даже слишком. Но, как вы сказали, жизнь куда дороже.

– Скажите, вам хоть чуть-чуть жаль свою супругу? – вдруг проговорил Дормер, убирая в сторону пистолет.

Палмер взглянул на Алису, подошел к стулу, надел джинсы и футболку.

– Я много раз представлял подобную ситуацию и думал, что буду испытывать в такой момент. Негодование, жалость, боль, тревогу, переживание. Да, я думал о той тяжести, которая ляжет на меня, о печали и тоске. И что же я испытываю теперь? Ничего, – Палмер развел руками. – Разве что обиду от того, что лишился только что пяти прекрасных отелей. Но вы правы, это цена за мою жизнь, не более того. Однако, – он поднял палец вверх, – вы все еще должны мне пятьсот тысяч долларов и мерседес.

– Господа, – встрял в разговор Бьорн, – я прошу прощения, что прерываю вашу беседу. Я, несомненно, рад, что вам удалось договориться, но мне не ясна собственная судьба. И мне, честно сказать, тяжело находиться в комнате с мертвой девушкой.

– Очень странно, что нанести шесть ножевых ранений вам было не столь тяжело, господин Бьорн, – проговорил Палмер. – Вы убили ее, не дрогнув. Сколько вам пообещали за это?

– Триста тысяч, – тут же ответил Бьорн.

Палмер усмехнулся.

– То есть наши жизни оценили по сто пятьдесят... Ну и кретин же вы, Бьорн!

Они покинули номер, закрыв за собой дверь, и направились вниз.

В холле велась оживленная беседа, огонь горел во всех жирандолях, в граммофоне играла какая-то песня о моряках. Когда на лестнице показались две фигуры, весь этаж заполнило призрачное молчание. Палмер по очереди заглянул в глаза каждому – и мистеру Эрикссону, развалившемуся в кресле у бара, и господину Вильяму, восседавшему у камина, и директору Варгинсу, стоящему за стойкой размещения. Страх в их глазах возбуждал в нем неподдельную радость, ликование. Он едва лишь сдерживал улыбку на своем лице, едва сдерживался от того, чтобы не начать выкладывать все, что он думает, с порога. Но он сдерживался подоб-

но буддистскому монаху, растягивая удовольствие, упиваясь этим страхом.

Парочка не спеша сошла с лестницы. Дормер направился к бару, взял бокал с виски и расстегнул пиджак, демонстрируя присутствующим рукоять своего пистолета. Палмер вышел в центр холла, будто оратор, которого ожидает самое важное выступление в жизни.

Часть восьмая

Разоблачение

– Сейчас вы будете слушать все, что я скажу вам, – продекламировал Палмер и улыбнулся. – Настало время снять маски и раскрыть карты, как это обычно говорится? Я предупреждаю каждого здесь, что любая попытка прервать меня будет расценена как агрессия. Агрессия будет караться смертью на месте.

Мистер Эрикссон забубнил что-то, но Палмер глянул на него и проговорил:

– Вас убивать мне хочется меньше всего, но знайте – саботаж будет наказан мгновенно. Итак, – он хлопнул в ладоши, и тот дрогнул, – начнем. Начнем с того, что весь этот рассказ я составил на основании собственных умозаключений и, как водится, в нем возможны огрехи ввиду недостатка некоторых пазлов в этой картине. Но от этого мой интерес только разгорается, ведь я в очередной раз бросаю вызов сам себе. Вероятно, никто из вас не знает всей картины целиком, поэтому я начну с самого начала.

Мистер Вильям и директор Варгинс давние друзья, – Палмер принялся расхаживать взад-вперед, выбрасывая порции мыслей в аудиторию. – Эти два старикашки, доживающие последние годы, на финишной прямой своей жизни реши-

ли повернуть одно весьма рискованное дельце. Каждый, конечно, преследовал свои собственные интересы, но об этом позже. Мистер Вильям – английский магнат недвижимости, рыцарь и близкий к кабинету министров человек, интересы которого распространяются далеко за пределы Великобритании. Когда-то давно компания моего дяди Теодора едва не пошла с ним на сделку, весьма скверную, признаться, и не чистую. От той сделки компанию спас я, оставив на самолюбии Вильяма неизгладимый шрам. С тех пор наш магнат еще четыре раза пытался ухватить лакомый кусок, но всякий раз его попытки проваливались, разбиваясь об железный щит моих собственных доводов. И вот дядя Теодор умер – случайно ли, а может и по воле многочисленных недоброжелателей, кто теперь рассудит? Многомиллионное имущество перешло под контроль молодого бездельника, лишиться которого всего этого, как показалось недоброжелателям, будет гораздо проще, чем матерого бизнесмена. После того как раскрыли завещание, я получал семь или даже восемь предложений о продаже бизнеса, но на все эти предложения я отвечал однозначным отказом. Мистер Вильям был упорен, что повышал цену каждый новый раз, и несмотря на то, что компании были дочерними или вовсе оффшорными, я четко видел его след в каждом письме. Аристократичные нотки в каждом коммерческом предложении вызывали у меня улыбку от того, как наш сэр пытается заметать следы, прикрываясь другими брендами. Убедившись, что я не собира-

уюсь идти на сделку, мистер Вильям предпринимает весьма авантюрную попытку – прибрать компанию к рукам иным способом – мошенническим.

Я объезжал свои отели после смерти дяди, чтобы представиться руководству, войти в курс дел и понять, какой недвижимостью я обладаю. Посещал я свои владения без предупреждения, заезжая в отель в качестве гостя, а с директорами и управляющими беседовал только после нескольких дней проживания. Так было и с отелем «Монти Дад», который также достался мне как часть компании дяди. Да, это мой отель, джентльмены, те, кто не знал об этом. Сейчас я могу с гордостью сказать: «Добро пожаловать!» Причем именно этот отель дядя упоминал как один из самых перспективных активов. Мало кто знает, что дед Теодора и был основателем компании из Миннесоты, которая купила этот отель и часть других гостиниц у обанкротившейся фирмы. Долгое время отель числился на балансе нашей компании под кодовым словом «Дыра в неизвестность», что очень забавляло бухгалтерию и юристов. У дяди не было ни сил, ни желания браться за него, но он часто говорил про «Монти Дад», предрекая ему великолепное будущее. Тем не менее, прибыли отель не приносил, хотя я тут поправлюсь, он не приносил прибыли компании моего дяди, но весьма прекрасно обеспечивал его директора – господина Варгинса, который привык быть здесь единоличным правителем с неограниченной властью. Ну и удачливыми ведь бывают лоб-

би-бои!

И вот в один прекрасный день мистер Вильям сообщает директору Варгинсу о том, что хозяин фирмы, владеющей отелем, скоропостижно скончался. Они быстро разрабатывают план, согласно которому Варгинсу переходит в собственность «Монти Дад», а Вильям получает контроль над остальными отелями, недвижимостью и счетами фирмы. Сам же отель должен выступить идеальной площадкой для места преступления. Трупы в таких местах пропадают навсегда. Подозреваю, что сам директор Варгинс не раз промышлял подобными деяниями, ведь за последние шесть лет здесь пропали по крайней мере три состоятельных предпринимателя. Но я не полицейский и не судья. Каким-то образом мистер Вильям узнает, когда я прибуду в «Монти Дад», и начинает операцию. Он нанимает профессионального нотариуса – мистера Эрикссона, который за весьма приятный процент прямо на месте совершит все операции по переводу активов на компанию Вильяма, а также находит господина Бьорна – бывшего шведского спецназовца, отсидевшего срок за двойное убийство мусульман. Именно Бьорн должен был обеспечить силовую поддержку, если что-то пойдет не так.

Что же мы имеем? Идеальная сделка, после которой каждый из мошенников остается в выигрыше. Но все идет не так уже с самого начала, и теперь я расскажу, почему.

Мой порше не ломался, это была инсценировка, о которой знали лишь два человека. И второй человек – это вовсе

не моя покойная супруга. Это – Патрик, который с недавних пор работает на меня, а вовсе не на директора Варгинса. Мы разыграли сцену весьма профессионально, при этом мы ни разу не встречались в жизни, общаясь до этого по телефону в те редкие мгновения, когда Патрик был внизу и на его телефоне имелась связь. Я заподозрил неладное сразу, когда увидел господина Вильяма в холле по прибытии в отель – это лицо я запомнил хорошо еще с тех пор, как мы встречались в нашем офисе в Калифорнии. Затем директор Варгинс подсунул мне вместо правил проживания для гостей составленный мистером Эрикссоном договор о переводе имущества, а точнее его последнюю страницу. Кстати, спешу вас расстроить, там моя подпись не соответствует действительной, так что можете эту бумагу использовать прямо по назначению. Я как ни в чем не бывало подписал эту страницу, дабы не вызывать подозрения, ибо на тот момент я не знал намерений заговорщиков и прекрасно понимал, что нахожусь в меньшинстве, чтобы хоть как-то им противостоять.

После этого я занялся разоблачением гостей «Монти Дад». Я был в номере каждого из вас, я изучал документы директора Варгинса, читал записки и официальные документы благодаря моему товарищу Патрику. Да, благодаря ему я имел доступ туда, куда только хотел, и он снабжал меня всем необходимым. Когда картина для меня сформировалась, я порадовался тому, что среди мошенников есть один случайный персонаж, который не входил в планы мистера Вильяма.

Этим персонажем был господин Дормер – молодой авантюрист и агент британской контрразведки. Самое любопытное – это то, что цели господина Дормера также были не случайны. Он прибыл сюда с какой-то важной миссией – и логика подсказывает мне, что миссия эта связана с мистером Вильямом, подданным Великобритании. Но не будем лезть в их разборки, ведь у нас тут и без этого весьма жарко. Я думаю, у них еще будет шанс поговорить и решить все накопившиеся вопросы.

После нескольких разговоров я понял, что единственным моим союзником здесь может стать господин Дормер, и мне все-таки удалось заручиться его поддержкой, чем я упорно и занимался. Собственно говоря, я даже не был уверен в моей жене и до сих пор не понимаю – работала она с кем-то из мошенников или нет. Но теперь ее нет в живых, и я думаю, что это была крайняя мера для вас. После того как мистер Вильям понял, что я что-то подозреваю, он принял решение устранить меня и Алису, так как она формально имеет право на половину моего состояния. Но плоды моих усилий по взаимодействию с господином Дормером взошли вовремя, и он спас меня от рук кровожадного Бьорна, который успел убить Алису, пусть земля ей будет пухом. Скажу сразу, что у меня был и план «Б», в случае если Дормер все-таки не станет сотрудничать, но, к счастью, применять его не пришлось.

Итак, что мы имеем на сегодняшний день? Четверо заговорщиков разоблачены. Жена моя мертва, что имеет не толь-

ко негативные последствия. Убийца прикован наручниками к кровати и ждет своей участи. Нотариуса ожидает тюремный срок, но только в том случае, если он не пойдет на сотрудничество со мной. Господином Вильямом займется британская контрразведка. Ах да, есть еще директор Варгинс, – Палмер сурово посмотрел на старика, – я вас увольняю прямо сейчас, пользуясь своим статусом собственника компании, в которой вы работаете. Покиньте это место немедленно, так как оно является частной собственностью.

– Ты думаешь, это сойдет тебе с рук, щенок? – рявкнул Варгинс, лицо которого вдруг стало пунцовым.

– Я даю вам тридцать секунд, чтобы покинуть отель, – спокойно проговорил Палмер. – Иначе я буду вынужден воспользоваться правилом «Мой дом – моя крепость» и открыть огонь на поражение. Если наденете куртку, у вас будет шанс дожить до завтрашнего дня. Удачи!

Даже сквозь старинную мелодию послышалось, как зубы Варгинса скрипнули. Никто более не шевелился. Бывший директор схватил пуховик, бросил взгляд на Вильяма и покинул холл.

– Сэр Вильям, – хлопнул в ладоши Палмер, и старик вздрогнул. – Главный злодей нашей эпопеи. Сколько вам лет?

– Достаточно много, чтобы пережить с десяток министров, – рявкнул тот. – Достаточно для того, чтобы пятерых из них поставить на пост и одного убрать раньше срока его

полномочий.

– Вы считаете себя умным человеком? – с серьезным выражением спросил Палмер.

– Не таким умным, как вы, – развел руками Вильям. – Иначе из этой битвы я бы вышел победителем. Увы, меня переиграл необразованный юнец, а это значит, мое время прошло. Но игра стоила свеч, признаться. И глупость моя лишь в том, что я недооценил врага.

– И это правда, – пожал плечами Палмер. – Но когда война проиграна, речь всегда заходит и репарациях. Вы – старый волк, жизнь которого близится к закату. Я предлагаю вам передать мне часть вашего бизнеса прямо сейчас. Мне будет достаточно пятидесяти одного процента акций четырех компаний в Британии, одной в Гонконге и двух в США. Остальными акциями вы будете пользоваться в полной мере, дохода с которых, я думаю, вам вполне хватит до конца жизни. Хотя, если специальные службы Британии так вами интересуются, боюсь, что и эти деньги вам будут не нужны.

Вильям сурово смотрел на Палмера. Он тяжело дышал и не отрывал взор, но за диким негодованием скрывалось хладнокровие, продиктованное суровыми годами.

– Акционеры вряд ли одобряют этот ход, и, скорее всего, через пару месяцев вас будет ждать судебное разбирательство, которое вы скорее всего проиграете, – наконец ответил он. – Акции трех компаний размещены на бирже, и международное законодательство с большой вероятностью не устроит

сделка, каким бы хорошим юристом ни был мистер Эрикссон. Здесь требуется решение комиссии, нужно собрать достаточное количество подписей и голосов, и еще целая кипа бумаг, требующих волокиты в зависимости от национального законодательства. Не так просто миллионер может стать миллиардером, господин Палмер.

– На этот счет не стоит волноваться, – улыбнулся Палмер. – Мне важна лишь одна бумага от вас, об остальном я позабочусь, когда вернусь в США.

– И что же будет после того, как я сделаю это? – спросил Вильям. – Тело пропавшего миллиардера навсегда исчезнет в бескрайних снегах?

– О, что вы? – махнул рукой Палмер. – Вы вернетесь в Лондон, который вы так обожаете. Я думаю, что бизнес для вас с этого дня окончен, это и логично. Можете рыбачить или играть в гольф, чем там еще занимаются богатые старики? Покорите какую-нибудь гору, сделайте тату, наконец.

– Издеваетесь? – нахмурился Вильям. – За моим советом выстраивается в очередь первая десятка из «Форбс». Как только я уйду на покой, закончится и моя жизнь.

– Значит, так тому и быть, – развел руками Палмер, прекращая разговор. – Мистер Эрикссон, – он перевел взгляд на нотариуса. – Мне нужно, чтобы вы оформили сделку в течение этого часа, пока я не напился вусмерть. Вознаграждение поистине вас удивит, несмотря на то, что вы были готовы лишиться меня состояния и даже закрыли глаза на преступление.

Но это бизнес, и давайте вести себя как бизнесмены. Делайте то, что умеете.

– Я, – кашлянул тот, – я, признаться, не знал...

– Оставьте оправдания, – прервал его Палмер. – Не портите мое мнение о вас. Завтра я хочу вернуться домой, поэтому давайте приступим к работе. Осталось решить несколько моментов – а именно: определиться с телом моей супруги и собственно с ее убийцей.

– Я сам решу эту проблему, – вдруг проговорил Дормер, поднимаясь с дивана.

– Такой подход мне нравится, – кивнул Палмер. – Но мне нужно свидетельство о смерти, чтобы закрыть вопрос о распределении долей.

– Это моя забота, – сухо ответил Дормер. Палмер кивнул. – Не стоит волноваться на этот счет.

Часть девятая

Солнечный край

Оранжевый ламборджини припарковался на специально отведенном месте стоянки перед входом в центральный офис американской компании «Palmer & Palmer». Дверь открылась вверх, и из автомобиля вышел мужчина в белых брюках, голубой рубашке с короткими рукавами, в мокасинах из крокодиловой кожи и в дорогих солнечных очках. На лице его виднелась белоснежная улыбка, которая вселяла сотрудникам фирмы трепет, граничащий со страхом. Охранник на входе открыл дверь и дружелюбно поздоровался:

– Добрый день, господин Палмер.

Палмер кивнул в ответ и приложил магнитную карту к считывателю. Табло на турникете загорелось зеленым, и он прошел внутрь. Мраморные полы с логотипом компании блестели от чистоты, за переговорными столами сидели менеджеры, обсуждая с партнерами детали сделок, эхо от шума воды в фонтанах наполняло холл приятным журчанием. Палмер поднялся на лифте на сороковой этаж, который был полностью отведен под его собственный офис. Секретарь Ирма встала при виде босса и подала ему расписание на день и кофе. Палмер бегло изучил бумагу и спросил:

– Прибыл ли уже господин Дормер? Здесь встреча на

одиннадцать.

– Он звонил, заказал три пропуска и предупредил, что задерживается на полчаса, – ответила Ирма.

– На какие имена вы выписали карты?

– Господин Дормер сказал, что это будет сюрприз специально для вас, – улыбнулась Ирма.

Палмер улыбнулся в ответ.

– Сколько вы работаете у нас? – спросил он.

– Почти семь месяцев, – гордо заявила секретарша.

– Если еще раз выкинете подобное, уволю на месте, – отрезал Палмер и скрылся за дверью своего кабинета, оставив кофе на столе.

Кабинет был просторным – середину занимал огромный стол с миниатюрами будущих проектов – элитные жилые комплексы, отели, бизнес-центры, аквапарки. Над каждым макетом виднелся флаг – США, Китай, Великобритания, Франция, Сингапур. Двадцать шесть проектов вел Палмер одновременно. Панорамные окна кабинета открывали великолепный вид на мост Золотые Ворота с высоты птичьего полета. Стена напротив была увешана вырезками из газет и журналов, в которых были упоминания о фирме «Palmer & Palmer» или же лично о ее владельце. Палмер уселся в большое кожаное кресло и придвинулся к столу, где его ждала огромная кipa бумаг, требующая внимания собственника. Зазвонил секретарский телефон, и голос расстроенной Ирмы проговорил:

– Господин Палмер, к вам господин Дормер и его спутники.

– Пусть заходят, – ответил босс и бросил трубку. Он отложил бумаги в сторону и приготовился к встрече.

Массивная двойная дверь открылась, и в кабинет вошли трое – возглавлял ватагу сам Дормер – статный, загорелый, в дорогом светлом костюме. Борода его была аккуратно подстрижена, волосы убраны назад, а на лице блистала улыбка. По левую от него руку стояла Алиса. Живая и жизнерадостная, она улыбалась во весь рот, глядя Палмеру прямо в глаза – едко, как будто она только что вернулась из мира мертвых. Она с ювелирной внимательностью пыталась отследить реакцию своего мужа, но Палмер как будто и не был удивлен. Его лицо не выражало никаких эмоций, кроме как тех, которые человек испытывает при напряженной работе мозга – он был воплощением сосредоточения, которое успешно подавляло любопытство. Палмер усиленно размышлял, пытаясь логически решить задачу, которая внезапно образовалась перед ним. Мертвая жена в одночасье ожила, и его это дико раздражало, как и все, что может внезапно отойти от курса и разрушить все планы. Волосы Алисы теперь были окрашены в черный цвет и коротко острижены, на ней было короткое синее платье, а на шее красовалось кольцо с огромным бриллиантом. Он бросил взгляд на третью персону, и снова его мозг усиленно заработал. Это был Бьорн – убийца жены, которая вдруг оказалась живой, стоял перед Палмером

в его собственном кабинете. И он тоже улыбался – этот здоровяк, который запомнился ему опускающим нож в живот Алисы, стоял тут как ни в чем не бывало в весьма странной компании.

– Привет, большой босс! – расправил руки Дормер. – Последний раз я видел тебя в холодном плену два месяца назад. Гораздо приятнее встретиться здесь – в солнечном крае, на твоей территории.

– Не могу сказать, что рад вас здесь видеть, – почесал подбородок Палмер. – По крайней мере, двоих из вас, – он еще раз оглядел всех гостей, заострив взгляд на жене. – Кажется, я понял, что произошло, но мне не все еще ясно.

– Ты не особо скучал по мне? – ехидно спросила Алиса.

– Скажем так: я больше обрадовался твоей смерти, чем твоему воскрешению, – развел тот руками.

– Ну ты и бесстыдник! Я надеялась, что сцена с убийством вызовет хоть чуточку твоего сострадания. Но сердце твое, как я убедилась, сродни камню. Хотя почему это меня все еще удивляет?

Дормер подошел к журнальному столику, налил себе виски и уселся в низкое кресло, обтянутое белой кожей. Бьорн остался стоять у входа, утерев пот со лба платком, и оперся локтем о комод. Алиса принялась ходить по кабинету, внимательно изучая каждую мелкую деталь. Она пристально всматривалась в литературу на полках, изучала фотографии, где Палмер позировал с известными бизнесменами и звезда-

ми кино и рок-музыки.

– Меня очень впечатлил твой монолог в последний день в «Монти Дад», – проговорил Дормер. – Я прямо-таки почувствовал свою ущербность тогда, на какое-то время я даже восхищался тобой, забыв о личной обиде, которую ты мне нанес. Признаться, с тех пор мое отношение к тебе сильно поменялось – ненависть переросла в уважение. Уважение не как человека, потому что человеческого в тебе мало, а как профессионала. Уважение за то, что ты сделал меня лучше. Нет, правда, благодаря тебе я эволюционировал – я только сейчас понимаю, насколько ты был лучше, Палмер. Возможно, и сейчас ты лучше. Празднуешь тут свою самую большую победу в мире. Но позволь и нам отпраздновать, ведь среди собственных интриг ты вовсе не заметил нашу небольшую операцию в «Монти Дад». Скажи, тебе интересно?

– Во все нет, – развел руками Палмер. – Эти игрища меня не интересуют, так что избавь от бравад и самопохвалы. Мне интересно, какой ущерб вы мне нанесли.

– Ущерб ты сможешь оценить после того, как я поведаю тебе, что произошло на самом деле, – проговорил Дормер. – Но скажу сразу – не стоит обижаться на меня или на Алису, а уж тем более на господина Бьорна – в этой игре мы сыграли по твоим же правилам. Иначе у нас был бы единственный победитель – это ты. Не совсем справедливо, как мне кажется.

– Я правила презираю, – отрезал Палмер. – У меня сего-

дня более двенадцати встреч, это же вторник, мать его! Так что давайте быстрее завершим этот неприятный разговор.

Палмер вскочил со стула, подошел к столику, налил себе полный бокал виски и одним махом его осушил.

– И похороны инсценировали, – вдруг задумчиво проговорил он. – Этот цирк к чему?

– Я получил все бумаги только на той неделе, – ответил Дормер. – Почти два месяца эти десять отелей приносили тебе прибыль, и только с четверга деньги теперь идут мне. До этого момента Алиса должна была считаться мертвой. Но давайте по порядку.

После нашего разговора на краю пропасти я понял правду – ты, Палмер, и правда всегда был на несколько шагов впереди. И хочу открыть тайну – это не ты убедил меня сохранить тебе жизнь, я сам понял, что от живого тебя будет больше проку. На миг я едва сдержался, чтобы не прикончить тебя. Просто так. Просто потому что так говорили мои инстинкты. Я долго размышлял, подавляя в себе злость. Я злился на себя самого – ведь всю жизнь я стремился не к тем идеалам, а ты как будто открыл мне глаза. Знаешь, в глубине души я понимал, что ничем не хуже тебя – моя память, интеллект, знания, физическая форма – все эти умения я применял для службы тетке в короне с бриллиантами. Как только я понял, что могу служить себе, все поменялось.

После того как я вернулся в отель тем вечером, мой взор пал на господина Бьорна. Я воспользовался своим статусом

и надавил на него – да, разведчик может уговорить многих играть по его правилам. Уже тогда я понимал, что попал на поле битвы и являюсь единственным воином, который не понимает правил игры. Господин Бьорн – человек находчивый и весьма эластичный, он ввел меня в курс, по крайней мере, он рассказал мне то, что знал сам – весьма поверхностная информация, но все же очень полезная. Только тогда я понял, что вся история в «Монти Дад» крутится вокруг тебя, Палмер. Бьорн также поведал, что Вильям серьезно переживал насчет тебя – он понимал, что ты много знаешь, и накануне отдал приказ убить тебя и Алису. Если бы был убит лишь ты, то все имущество перешло бы к твоей жене, но если оба супруга погибли в горах или вовсе пропадут без вести, Вильям смог бы воспользоваться поддельным договором, который ты подписал при заселении.

Так мы инсценировали смерть Алисы, ты передал мне по условиям нашей договоренности десять своих отелей и два миллиона наличными, а я за это время успел покинуть Британию и избавиться от клейма разведчика. Теперь поговорим об ущербе – часть твоих отелей теперь моя, а вторая часть, в том числе и той недвижимости, которую ты получил от Вильяма, принадлежит Алисе. И сегодня мы пришли к тебе, чтобы обсудить условия развода и передачи имущества, которое по закону принадлежит твоей супруге.

– Я уже все посчитал, – тихо ответил Палмер. – Миллиардом я пробыл почти два месяца.

– Ты все еще будешь миллионером после развода, – улыбнулась Алиса. – Мне нужна ровно половина от всех активов. На этом мы расстанемся навсегда. Теперь уже окончательно. Ах да! – вставила она. – Я разрешаю тебе оставить на память «Монти Дад», в знак того, что именно там решила судьба всех его постояльцев.

Палмер засмеялся.

– Что смешного? – спросил Дормер. – Ты проиграл эту партию, надо капитулировать. Разве поражение приносит тебе удовольствие?

– Конечно, – кивнул Палмер. – Это поражение принесло мне массу удовольствия. О да, я доволен и весьма, потому как горд за вас. Именно! Я горд за вашу сообразительность и находчивость, я горд, что вам удалось перехитрить меня, хотя я был начеку каждую секунду и, как мне казалось, отрезал все возможные пути к поражению. Пока все расслаблялись, я готовился, думал, предпринимал какие-то действия, выводывал. Я могу лишь аплодировать вам, и все, что мне остается – это подписать мирное соглашение о разделе имущества и продолжить заниматься делами.

– Рад, что ты не держишь зла, – проговорил Дормер.

– Нет, я злюсь, – улыбнулся Палмер. – Злюсь на собственные просчеты, которые убрали с моих счетов два нуля. Признаюсь, если бы я понял, в чем состоит ваш заговор тогда, в «Монти Дад», лишил бы жизни каждого из вас. Но партия проиграна, и пора платить по долгам. Благодарю за этот опыт

и говорю спасибо каждому из вас. Но это не значит, что мы друзья, не подумайте. Повторюсь, что если в будущем у меня будет возможность вернуть свое, даже если цена будет измеряться жизнью кого-нибудь из вас или всех вместе взятых, я без проблем пойду на это.

– Какой же ты все-таки мерзавец, – покачала головой Алиса.

– Молчи, мертвая жена, – ответил Палмер и налил себе еще виски. – Придется сегодня напиться. Я буду пить весь день и всю ночь, совершу много глупостей, возможно, стану обладателем какой-нибудь венерической болезни, оставлю на чай официанту пару тысяч долларов и разобью свою самую дорогую машину. Но завтра, когда я проснусь и протрезвею, я начну новую главу в своей жизни. И знаете что, дорогие коллеги, – он хлопнул в ладоши так громко, что эхо разнеслось по кабинету, – я хотел бы заключить с вами пари.

– О каком пари идет речь? – заинтересованно спросил Дормер.

– Я готов поспорить, что через год я снова стану миллиардером, причем смогу увеличить свое состояние втрое от того, что имею сейчас, – выпалил Палмер. – Пускай это будет вызов, который стоит триста миллионов долларов. Я готов поставить эту сумму на кон.

– Если верить статистике, это почти невозможно, – сказал Дормер. – Так что я готов вступить в спор.

– Вы оба – больные, – закатила глаза Алиса.

– Бьорн, разбей наши руки, – прокричал Дормер. – Господин Палмер еще не все мне отдал. Наверное, он получает удовольствие, когда расстаётся с большими деньгами по глупости. Буду рад через год заполучить в собственность еще пару отелей и какой-нибудь пентхаус в Майами.

– Я все еще жду пятьсот тысяч, – сказал Палмер. – Мерседес-то уже давно стоит в моем гараже.

Бьорн разбил спор, а затем отправился вниз, взяв с собой Алису, которая как будто в последний раз посмотрела Палмеру в глаза и удалилась прочь. Дормер снова упал в кресло, уже достаточно пьяный, что улыбка теперь не сходила с его лица.

– Каково быть богатым? – спросил Палмер. – Нравится это чувство?

– Это самое приятное чувство на свете, – ответил тот. – Оно притупляет совесть и чувство вины, и каждую ночь я думаю, правильно ли поступил. Но наутро, когда слуга приносит завтрак из продуктов, которые еще три часа назад были на дереве на другом конце страны, когда ты окунаешься в прохладный бассейн во дворе, а потом думаешь над тем, куда полететь или какую дорогую игрушку купить, понимаешь, что совесть – это лишь предрассудок.

– Жаль, что ты слишком примитивный, – развел руками Палмер. – Мне быгодились неординарные люди для будущих проектов. Но твои суждения сродни разговорам шестнадцатилетнего тинейджера.

– Не забывай, что именно я поимел тебя, – рассмеялся Дормер. – И если тебя греет мысль о том, что тебя поимел шестнадцатилетний тинейджер, так тому и быть.

Дормер допил виски, встал, поправил костюм и направился к двери.

– Про деньги забудь, – бросил вслед Палмер.

– Про какие деньги? – обернулся Дормер.

– И мерседес я тебе верну, – он достал из-под стола магнит и бросил его перед собой. – Я поимел тебя на бильярдном столе благодаря уловкам, которые применяют для грязной игры. Пусть эта партия остается не засчитанной.

– О нет, – покачал головой Дормер. – Эта партия моя, так что будь добр – приплюсуй ко всему, что должен, свой гребаный порше и полмиллиона долларов.

Дормер исчез, и Палмер остался один в своем кабинете, слушая тишину и гоняя в голове мысли о произошедшем. Внезапно он снял трубку и проговорил:

– Ирма, завтра я уезжаю, забронируй мне отель. Все встречи перенеси. Какой? Как какой, «Монти Дад»! Что значит, где это? Это далеко, Ирма!